

TABLE OF CONTENTS

FASCISM: PAST, PRESENT AND FUTURE

Walter Laqueur. The Essence of Fascism.....5

NATIONALITIES QUESTIONS

*Seymour Martin Lipset
and Earl Raab.* Jews in the USA.....103

NEW BOOKS

Arkady Lvov. Autopsy of an Empire.....190

40 YEARS OF HUNGARIAN REVOLUTION

Tibor Meray. Thirteen Days That Shook the
Kremlin.....237

ФАШИЗМ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Уолтер Лакер

СУЩНОСТЬ ФАШИЗМА

Что такое фашизм? Этот вопрос горячо обсуждается уже несколько десятилетий, но до сих пор не стал яснее. Политологи пытались создать "обобщающую" модель, описывающую все разновидности фашизма, но неспециалистам эти упражнения не покажутся интересными. Можно бесконечно рассуждать о том, был ли нацизм высшей, наиболее совершенной формой фашизма, а режим Муссолини – лишь остановкой на полпути; или же итальянский фашизм (потому, что он появился на сцене первым) должно использовать в качестве эталона для оценки всех прочих разновидностей фашизма. В этом случае нацизм в ретроспективе представляется гипертрофированной модификацией некоей новой ультрарадикальной идеи, последовательно доведенной до логического завершения. Можно без конца дискутировать о том, чем были нацизм и итальянский фашизм – движениями к обновлению (по замыслу или вопреки замыслу их основоположников), или же это были движения реакционные. Безусловно, фашизм не является ни крайней левой, ни крайней правой. Во многих отношениях фашизм не был консервативным – его целью являлось создание нового человека и нового общества.

Вполне вероятно, что новое определение фашизма вовсе не нужно. Однако нам кажется, что оно необходимо, ибо в повседневной речи термин "фашизм" употребляют по поводу и без повода. Публицисты и ораторы склонны называть своих противников фашистами (или, по крайней мере,

полуфашистами и профашистами), так что это слово стало обозначать более десятка явлений, отрицательных по своему характеру. Поэтому легче определить, чем фашизм не является. Отнюдь не все диктатуры XX века были фашистскими. Ни Япония 1930-х гг., ни Турция при Ататюрке, ни Польша при Пилсудском, ни франкистская Испания не были фашистскими странами. Точно так же не были фашистскими военная диктатура Пиночета в Чили и власть полковников в Греции.

Уже при первом появлении фашизма на исторической арене важно было понять, что эта нетрадиционная политическая идея содержит некоторые существенно новые элементы. Но тогда этого не сделали. Все соглашались, что фашизм крайне националистичен и антидемократичен, но относительно других его особенностей единогласия не было и, поскольку вполне естественно толковать новые явления с помощью старых аналогий, некоторые аналитики использовали для сравнения бонапартистскую модель (Наполеона Бонапарта или же Наполеона III). Другие же сопоставляли фашизм с крайне правыми антилиберальными группировками конца XIX в. Дать строгое определение, что такое фашизм, было непросто, поскольку всего лишь два государства стали фашистскими. (Существовавшие во время Второй мировой войны режимы типа вишистского не были подлинно фашистскими, хотя некоторые из них, например, режим в Хорватии, приложили немалые усилия, чтобы продвинуться в этом направлении.)

Не был фашизм и явлением статичным. В ранний период своей истории итальянский фашизм был весьма радикален, после захвата власти стал гораздо умеренней в отношении многих существенно важных вопросов, а на последней стадии существования – снова радикалистским. Итальянский фашизм в городе отличался от фашизма в сельской местности.

Всего шесть лет прошло от захвата власти нацистским

режимом до начала развязанной им войны, но за эти годы все внутренние потребности Германии оказались подчинены военным нуждам. Поэтому можно лишь гадать, какой стала бы политика нацистов в случае победы Германии: изменилась ли бы экономическая система? Какими оказались бы отношения с церковью? Что ожидало бы представителей "низшей расы" – уничтожение, изгнание? Стал бы режим умереннее политически, то есть, говоря социологическим языком, более *рутинным* и *нормализованным*?

В одном, однако, многие были согласны уже тогда – фашизм – явление европейское. И сегодня это представляется справедливым в отношении "исторического" фашизма. В те времена фашизм в отсталых странах был технически неосуществим, поскольку мобилизация масс была невозможна, а пропаганда и террор – малоэффективны. С меньшей уверенностью можно полагать, что это справедливо и сегодня, поскольку с распространением современной техники условия для возникновения неевропейских разновидностей фашизма реально существуют во многих районах мира.

От прежних диктатур фашизм отличается наличием массовой партии, монополизировавшей власть с помощью армии и секретных служб и насильственно устранившей все другие партии. Во главе этой партии нового типа стоит вождь, обладающий, по существу, неограниченной властью, обожаемый своими последователями и являющийся средоточием квазирелигиозного культа. Партийная доктрина становится обязательным символом веры не только для членов партии, но и для всех прочих граждан, и эта доктрина постоянно тиражируется средствами могучей пропагандистской машины. Подобная партия (перерастающая в дальнейшем в государственный аппарат) не могла существовать ранее, ибо не существовало средств столь интенсивного влияния на массы и столь жесткого

контроля над социальной, политической и культурной сферами

Сказанное выше относится и к коммунистическим режимам. Действительно, вмешательство фашистского государства в экономику было гораздо меньшим, чем при коммунистическом режиме. Советская идеология настаивала на том, что режим имеет классовый характер и что антагонистические классы необходимо постепенно устранить. Согласно фашистской доктрине, высшей целью, наоборот, является солидарность классов. Коммунизм был строго атеистичен, в то время как фашизм был неявно деистичен и стремился к интеграции организованных религий при условии, что церковь признает и поддержит верховенство государства. Если фашизм был открыто националистическим, милитаристским и экспансионистским явлением, коммунизм в теории был интернационалистским и антимилитаристским и не стремился к территориальной экспансии. Тем не менее, в особенности начиная с 1930-х гг., не всегда можно было усмотреть невооруженным глазом разницу между фашизмом и коммунизмом.

Во многом обе системы были весьма сходны, почти тождественны, кое в чем – различались; и нет ничего удивительного в том, что после победы фашизма в Германии им суждено было столкнуться. Гитлер убедил себя, что если Германия незамедлительно не приобретет нового “жизненного пространства”, страна рухнет, ибо не будет обладать сырьевыми ресурсами, необходимыми для поддержания статуса великой державы и обеспечения достойного уровня жизни граждан.

У Советского Союза не было похожих стимулов, хотя в длительной перспективе страна могла бы чувствовать себя в безопасности, по меньшей мере, при условии, что коммунизм советского типа победит в Европе и сопредельных частях Азии. Сталин не нуждался в немедленной экспансии.

Что способствовало доминированию массовых партий нового типа и какие факторы ограничили бы дальнейшее развитие фашизма? Хотя в этом уравнении “факторы” – лишь одна из составляющих, их наличие весьма важно. Однако сами по себе благоприятные условия не смогли бы привести к власти Гитлера и Муссолини. С другой стороны, в отсутствие благоприятной политической ситуации даже величайший политический гений не смог бы проложить себе дорогу.

И в Германии, и в Италии приходу к власти нацистов и фашистов во многом способствовали ведущие силы старого порядка: в Германии – консерваторы и окружение Гинденбурга, в Италии – консерваторы и монархия. Гитлер был лидером сильнейшей парламентской фракции и, согласно конституции, ему мог быть предложен пост канцлера. Отдавая себе отчет в собственной слабости, консерваторы все же полагали, что смогут руководить нацистами и заставят их действовать “разумно”. Причины, приведшие одиннадцать лет назад к фашистскому перевороту в Италии, были сходными.

Даже зная то, что мы знаем сегодня, нельзя сколь-нибудь определенно утверждать, что Гитлер и Муссолини осмелились бы захватить власть незаконными средствами. И даже если бы осмелились, невозможно быть уверенными, что они преуспели бы в этом. Действительно, в других странах насильственные фашистские перевороты не удались; но это не решающее доказательство, поскольку нацизм и итальянский фашизм были сильнее и встречали меньшее сопротивление, чем те, кто потерпел поражение.

Почему в одних странах возникли мощные фашистские партии, а в других нет, что влекло к фашизму мужчин и женщин и вызывало гораздо больше энтузиазма, чем демократические движения? Британские и французские наблюдатели, посещавшие Италию и Германию в 1930-е гг., с восхищением и даже завистью писали о царившем в

фашистском движении духе нового оптимизма. Фашизм победил в странах, где чувствовалось, что старый порядок уже "не работает", где демократия не имела глубоких корней, где национализм поднялся высокой волной и где был велик страх перед экономической катастрофой и общественными беспорядками. Не будь Первой мировой войны и послевоенного кризиса, фашизм или вообще бы не возник, или же остался бы идеологией немногочисленной секты. Так вот, в результате послевоенного кризиса большие группы населения этих стран были готовы поддержать движение, которое, в отличие от других партий, выступало не за узкие групповые или классовые интересы, а провозглашало верность ценностям общества в целом, заявляло, что стремится к солидарности и порядку и что это единственный путь спасения страны от хаоса.

Подобное объяснение может вызвать множество возражений. Можно, например, доказывать, что послевоенный кризис в Италии в 1920 г. проявился острее, чем в 1921 г., а в 1921 г. – острее, чем в 1922, когда состоялся "поход на Рим". К 1922 г. интенсивность кризиса сгладились, и угроза революции минула. Во всяком случае, мнение Муссолини было однозначным: "Заявлять, что в Италии все еще существует большевистская опасность, – подменять действительность страхом" ("Popolo d'Italia", 2 июля 1921 г.).

Можно утверждать, что экономический кризис в Германии в 1923 г. был намного тяжелее, чем в 1933, но в 1923 г. нацизм был еще местным явлением и сразу же потерпел поражение. Кризис в Германии достиг пика в 1932 г., и если бы правоцентристскому правительству удалось продержаться у власти еще год, положение могло бы улучшиться. И действительно, некоторые звенья "версальских цепей" (ненавистного мира, завершившего Первую мировую войну) распались бы раньше, чем Гитлер занял пост канцлера. Однако и экономическое восстановление,

и уступки союзников пришли слишком поздно: кризис обладал кумулятивным эффектом, слишком многие в Германии утратили надежду. Интересно, что правительство не было коррумпированным, хотя нацисты и коммунисты всегда доказывали обратное. Если что и отличало режим, то это были чрезмерная порядочность и чрезмерное отсутствие воображения. Однако немцы четко видели лишь то, что правительство пришло в смятение из-за серьезности кризиса и все предпринятые им меры не дали результатов. Со своей стороны правительство не скрывало, что возможности его исчерпаны и что оно не знает, как справиться с кризисом. В подобной ситуации правительство просто обречено на поражение перед лицом решительного противника.

Если Германия потерпела величайшее поражение в Первой мировой войне, то Италия находилась среди победителей, хотя не получила возможности воспользоваться плодами победы, на что так надеялась. Более того, националистические настроения проявлялись здесь не менее остро, чем в Германии: лишь два поколения отделяли страну от эпохи объединения, и народ еще не привык к тому, что единому государству ничто не угрожает.

Глубина экономического кризиса не может быть единственным объяснением колоссального успеха нацизма и фашизма. На США и Великобританию Великая депрессия оказала не меньшее влияние, чем на Германию. Действительно, воздействие кризиса на Америку было, вероятно, даже сильнее, хотя бы потому, что американцы совершенно не были подготовлены к катастрофе и считали постоянное улучшение экономической ситуации само собой разумеющимся. Немцы же уже имели опыт национальных травм. Несмотря на высокий уровень безработицы и экономический спад, в Англии фашизм не получил широкого распространения, хотя его лидер Освальд Мосли вызывал не меньший резонанс в массах, нежели фашистские ли-

деры континентальной Европы. В США также имелись различные фашистские и профашистские организации, но ни одна из них не пробила себе дороги в большую политику. Вожди испанского фашизма обладали немалой популярностью, а во Франции коммунист Жак Дорио был одной из самых известных личностей еще даже до того, как стал фашистом. Но ни в Испании, ни во Франции личная популярность этих людей не сыграла решающей роли.

Скорее можно сказать, что послевоенный кризис был кризисом культуры и морали. До 1914 г. европейские общества оставались во многих отношениях далеки от демократии, но были гораздо цивилизованней, чем когда-либо ранее. Права человека пользовались все большим уважением, и лишь немногие отваживались без печальных для себя последствий отвергать их. Так, ложные обвинения против малоизвестного французского офицера еврейского происхождения вызвали скандал общеевропейского масштаба.

Первая мировая война с ее гекатомбами жертв и огромными разрушениями все изменила, и изменения эти имели далеко идущие последствия. Оргии шовинистов привели к брутализации жизни общества. После гибели миллионов ценность человеческой жизни уже не принимали в расчет. Политические убийства происходили и до 1914 г., но ни в одной цивилизованной стране никто бы и не помыслил хоть как-то оправдать подобные акции, а специальные лагеря уничтожения людей просто невозможно было представить. Режим царской России был самым отсталым и жестоким в Европе, но число его жертв было ничтожно по сравнению с теми миллионами, которых обреч на смерть режим, пришедший на смену царизму. Моральный кризис, последовавший за Первой мировой войной, был еще глубже, чем кризис экономический.

Кризис морали совпал с кризисом государственной власти, с растущей неуверенностью в правящих слоях

общества, с нежеланием применять силу против уличных беспорядков, организованных фашистами. Силы порядка были в состоянии подавить вооруженные выступления фашистов (как это произошло в Мюнхене в 1923 году), но их действия были половинчаты, незначительны по масштабам и предприняты слишком поздно. Результатом этого стало то, что полувоенные фашистские группы получили дополнительный стимул. Они множились, наращивали мощь и агрессивность, а борьба с ними становилась все более рискованной.

История показывает, что фашизм (как и терроризм) может победить лишь в рамках либеральной демократической системы. У него есть шансы только в условиях свободы агитации. В противостоянии с военными диктатурами (Румыния, Испания), не говоря уже о коммунистических режимах, он неизменно терпит поражение. Даже при умеренно авторитарном режиме (Австрия, 1934 г.) фашизм оказывается разбит. Фашисты скорее презирают, нежели ненавидят демократические институты: парламент для них — говорильня, где происходят бесконечные дискуссии, которые ведут презираемые за бессилие политики. Подобное отношение встречается не только среди крайней левой и крайней правой, но часто и среди тех, кто не считает себя радикалами. В конечном счете, демократия рушится просто потому, что не хватает демократов, готовых ее защитить.

Кого привлекал фашизм? Это зависело от политических традиций и социальных условий в каждой стране. В целом наибольшую приверженность фашизму обнаруживали низшие слои среднего класса, в особенности те, кто сильнее всего пострадал от экономического кризиса 1930-х годов. Нацисты приобрели влияние среди крестьянства, испытавшего тяжелые потери, среди городского среднего класса, во время инфляции потерявшего все свои сбережения и опять стоящего на пороге дальнейших потерь. Итальянский фашизм нашел поддержку среди ветеранов

войны, которые не смогли вновь найти свое место в гражданской жизни, и среди студентов, после окончания учебы оставшихся безработными

Более тщательная проверка показывает, что строго определенной пронацистской популяции с четким распределением по классам, полу и возрасту просто не существовало. До 1933 г. не наблюдалось существенных различий в характере поведения избирателей – представителей различных возрастных групп, мужчин и женщин. Хотя вожди нацистов были молоды, их избиратели таковыми не были. До 1931 г. нацистов поддерживали в основном низы среднего класса, а после 1931 г. – и верхние слои общества

С определенностью можно сказать, что нацисты обладали большим влиянием в протестантских, нежели в католических регионах и не смогли завоевать серьезных позиций в Партии католического центра. Во многих странах фашизм столкнулся со сходными препятствиями, однако в Хорватии и в Словакии церковь поддержала местных фашистов.

Различия в характере голосования в больших и малых городах были весьма любопытны. Если в среднем по стране в июле 1932 г. за нацистов проголосовало 37% избирателей, то в малых городах за них было подано 42% голосов, тогда как в таких крупных городах, как Берлин и Гамбург – около 33%. Рабочий класс не обнаружил иммунитета к нацизму: в 1932 г. за нацистов проголосовало больше рабочих и безработных, чем за социал-демократов и коммунистов вместе взятых. И нацизм и итальянский фашизм сумели мобилизовать как раз те слои населения, которые ранее были политически пассивны.

Ситуация в Италии была иной: “фаши” сначала появились в Северной Италии и постепенно распространились к югу. В дальнейшем, однако, Юг предстал более сильным оплотом фашизма, нежели Север; это же произошло и с

неофашизмом в послевоенную эпоху. Немаловажное для Италии движение фашистов-аграриев возникло как реакция крупных землевладельцев долины реки По и мелких землевладельцев Эмилии-Романьи на рост политического влияния безземельных батраков. Что касается Западной Европы, то фашизм не нашел себе опоры в деревне ни во Франции ни в Нидерландах, а в Англии практически не покинул пределов Лондона.

С другой стороны, в Румынии и Венгрии фашисты пользовались поддержкой в сельской местности, а финские лапуасцы были в основном деревенскими жителями. В большинстве фашистских движений участвовало немало представителей интеллигенции, в то время как рабочие были заметно представлены в фашистских организациях Франции: в несколько меньшей мере – в Испании, но в Восточной Европе, за исключением Венгрии, дело обстояло по-иному. Вряд ли здесь имеет место случайность: популярный местный лидер, переходя к фашистам, обычно приводил с собой и своих сторонников.

Студенты в значительной степени поддерживали фашистские движения в Испании и Румынии. В этих странах фашизм в свои ранние годы был явлением, ограниченным стенами некоторых университетов. Точно так же нацисты победили на выборах в университетах Германии задолго до того, как стали серьезной политической силой общенационального масштаба. И все же в высших эшелонах нацистской партии было мало выпускников университетов; Геббельс, Ганс Франк и Лей – редкие исключения. Если последние правительства Веймарской республики в основном состояли из лиц свободных профессий, то в нацистских и фашистских правительствах их было гораздо меньше. Лишь пятеро нацистских гаулейтеров окончили университет или же технический институт; 17 рейхслейтеров в прошлом относились к верхушке. В состав нацистской верхушки вошло немало учи-

телей начальных школ, хотя Гитлер временами выражал пренебрежение к этой профессии, которая, по его мнению, привлекала лишь людей с ограниченными умственными способностями.

В нацистском и фашистском руководстве в целом господствовали антиинтеллигентские настроения. К людям с высшим образованием относились с недоверием, подозревая их в сословном высокомерии, которому "не было места в среде нацистов". В Третьем рейхе численность выпускников университетов заметно снизилась. Сам Гитлер отказывался от степени почетного доктора из принципиальных соображений.

Фашисты признавали иерархию, но стремились ослабить классовые перегородки. Нацизм и фашизм проповедовали, что на смену классовой борьбе придет национальное единство, что идеалы и ценности важнее материальных благ, что фюрер, партия и государство – высшие судьи. Эта пропаганда была высокоэффективной и вызвала взрывы искреннего энтузиазма. Даже противники вынуждены были признать популярность Гитлера. Нацисты, находившиеся уже у власти, получили высокий процент голосов на вполне честных выборах. Гитлер действительно дал приказ не вмешиваться в процесс голосования, и нет никаких свидетельств о фальсификации результатов выборов. Нацистские лидеры не без основания были уверены, что общество их поддержит.

Нацисты разумеется, обладали монополией на средства информации, но только после прихода к власти. До 1933 г. дела обстояли по-иному. У них не было доступа на радио, и до успеха на выборах 1930 г. они издавали меньше газет, чем другие партии. Печатное слово не имело решающего значения для поразительного успеха нацизма в период с 1930 по 1933 г., и вряд ли кто-либо стал убежденным фашистом, прочтя "Майн кампф". Иной была ситуация в Италии, поскольку Муссолини был опытным журналистом и имел в своем распоряжении влиятельную газету.

Печатному слову нацисты предпочитали непосредственное воздействие речей высших партийных вождей и ораторов несколько более низкого ранга, но только этим нельзя объяснить их успешное восхождение к власти, поскольку лишь Гитлер и Геббельс (а также Муссолини) были одаренными ораторами. Гитлер и Геббельс не могли присутствовать одновременно повсюду, и поэтому можно сделать вывод, что главную роль исполняла именно живая идея, а не средства, при помощи которых она распространялась. Нацистская пропаганда была чрезвычайно интенсивной, но столь же интенсивной была и коммунистическая пропаганда, однако ее успех не шел ни в какое сравнение с успехом фашистов. Нацистская пропаганда была чересчур примитивной, чтобы завоевать уважение интеллигенции, но после прихода нацистов к власти все же большая ее часть начинает склоняться на сторону фашизма. Еще до 1933 г. в нацистской партии состояли врачи и юристы, хотя их и не было много. Должное нацистам воздали такие ведущие мыслители, как Мартин Хайдеггер и юрист Карл Шмитт, а Джованни Джентиле был столпом режима Муссолини. Ход мышления этих профашистских интеллигентов был следующим: к гению и его политическому успеху не могут быть применимы обычные эстетические и этические эталоны. Они считали Гитлера чрезвычайно прогрессивным по сравнению с прежними беспомощными руководителями. Нацисты преуспели там, где другие потерпели поражение, и несмотря на некоторые недостатки (которые нужно рассматривать как временные), именно они – великая и единственная надежда Германии. Такую положительную оценку порой разделяли ведущие писатели и мыслители и за пределами Германии. Даже у многих иностранных государственных деятелей вначале находились добрые слова для Муссолини, хотя Гитлер подобного успеха вне границ Германии не добился.

Немногие представители западной интеллигенции сами стали фашистами. И все же многие полагали, что для их собственной страны фашизм не нужен, но он может быть вполне пригоден для Германии и Италии, точно так же как коммунизм – для Советского Союза. Они даже доказывали, что такой динамичный лидер, как, например, Муссолини смог бы оказаться полезным Франции и Великобритании, сведя на нет эксцессы парламентаризма и заставив государственную машину работать эффективно.

Фашизм по-разному воспринимался различными людьми и, соответственно, был для них привлекателен по различным причинам. Если бы мы, чтобы дать определение фашизму, учли все субъективные факторы, формулировка все равно не была бы строгой и четкой. И сейчас, через 50 лет после разгрома фашизма, суть его лучше всего объясняет то, что было отмечено при его зарождении: фашизм был проявлением кризиса морали и культуры, результатом крушения традиционных религиозных и гуманистических ценностей. Фашизм развился из безумия, порожденного Первой мировой войной, из неуверенности и политической незрелости, из бунта против разума и реакции на распад общественных связей.

В какой-то степени подобные тенденции начали возникать еще задолго до войны: национализм трансформировался в империализм, развивались корпоративистские и расистские теории, социальный дарвинизм, бунт против разума, культ молодости. Однако разрушить общественные заслоны могли лишь крупные политические, социальные и экономические потрясения. Для завоевания массовой поддержки апостолы крайнего национализма, “витальности” и “мощи” (в противопоставление разуму и миру) считали недостаточным, чтобы люди лишились духовных корней – они должны были стать обездоленными и в социально-экономическом отношении. Болезнетворный микроб фашизма можно обнаружить в любом организме.

Но болезнь развивается лишь тогда, когда организм ослаблен или же предрасположен к инфекции.

ФАШИСТСКАЯ ДОКТРИНА

Возникновение и быстрое распространение фашизма в Европе стало результатом Первой мировой войны: физических опустошений, политического и духовного вакуума, оставшегося после нее. Континент содрогнулся в конвульсиях политического и экономического насилия; на территории половины Европы старые консервативные режимы рухнули, но новые не завоевали признания. Вчерашние моральные эталоны исчезли, средний класс обнищал. Многие сочли, что последним бастионам цивилизации угрожает новая, загадочная и весьма заразная болезнь – большевизм. И тем, кто считал необходимым сильное руководство и новый порядок, но не признавал за коммунизмом способность эти задачи решить (хотя бы потому, что основной идеей коммунизма в то время был интернационализм и эгалитаризм), нужна была политическая альтернатива.

Многие принципы фашизма не отличались новизной, они были сформулированы задолго до Первой мировой войны. Ни одно серьезное исследование фашизма не может пренебречь этим; хотя верно и то, что поиски предтеч таят в себе немалую опасность, поскольку проводя подобное исследование, нельзя преуменьшать или же игнорировать отличие между идеями антилиберализма и антидемократизма довоенных апостолов и тем элементом, который привнес послевоенный фашизм. Ссылки на Ницше и Сореля лишь отчасти могут помочь понять политику фашизма, подобно тому, как изучения дискуссий реформистов и революционеров Второго Интернационала в девяностые годы прошлого века явно недостаточно, чтобы понять, что произошло в России после революции. Пред-

военные публикации отражали нездоровую моральную и политическую атмосферу, недовольство наследием эпохи Просвещения и являлись одним из проявлений нового иррационализма.

Однако нельзя расположить на одной прямой мыслителей XIX века и фашизм. Во все времена все идеи – и хорошие, и плохие, и нейтральные, идеи, вызывающие к чувствам, и идеи безумные – рождаются в литературных кафе и в трудах профессуры; на политику они влияют лишь при определенных обстоятельствах. Так, немало написано о реакционных традициях интеллектуальной жизни Германии от времен Лютера до шовинистов и расистов конца XIX века. Невозможно отрицать, что такие традиции действительно существовали и что они способствовали созданию психологической атмосферы, обеспечившей возникновение и расцвет нацизма. Но хотя подобное интеллектуальное наследие досталось также и Франции, и Англии, там его воздействие на политику было маргинальным. С другой стороны, в Италии начала века антилиберальные, антидемократические настроения были чрезвычайно сильными, и именно здесь фашизм победил.

Фашизм был прежде всего явлением националистическим, элитарным, антилиберальным и милитаристским. В тех фашистских государствах, которые обладали военной мощью, милитаризм проповедовал империализм и территориальную экспансию. Однако во многих странах и до 1914 г. национализм был господствовавшей идеей, и его влияние несколько не ограничивалось правой и центром. Не была новинкой и элитарность. Немногие политические партии готовы были в этом признаться, но тем не менее практиковали ее. Католическая церковь и правые круги громко проповедовали антилиберализм. Сторонников империализма можно было найти и среди либералов, и среди консерваторов, а подчас даже среди социалистов.

Различие между фашизмом и его предшественниками

отчасти можно объяснить последствиями общей радикализации и высокой степенью ожесточенности, вызванными Первой мировой войной. До 1914 г. политическими партиями руководили небольшие группы лидеров, но в отличие от фашистского движения, ни в одной из них, ни теоретически, ни практически не существовало "принципа вождя". Расизм проповедовали до 1914 г. и германские консерваторы, и "Аксьон франсез".* Однако этот расизм не был крайним, разве что некоторые экзальтированные писатели и малозначительные аутсайдеры позволяли себе подобное. Многие консерваторы не испытывали восторга от все возрастающего влияния левой, и немало было говорено, что для предотвращения этой опасности необходимы жесткие действия. Некоторые молодые представители итальянской интеллигенции писали, что бедные страны имеют право приобрести новые территории для получения сырья и облегчения бремени перенаселенности. Практически же между 1890 и 1914 гг. государственных переворотов было немного, а экспансия была незначительной.

И все же существует принципиальное отличие между фашизмом и довоенными правыми партиями: фашизм стремился к далеко идущим переменам революционного характера; консерваторы, даже критикуя парламентскую демократию, принимали принцип разделения властей. Фашисты хотели абсолютной власти, и они знали, что для достижения этой цели необходимы совершенно иные, внепарламентские действия. Консерваторы были партией сохранения порядка и статус кво. Фашисты хотели нового порядка и поэтому стремились разрушить старый. Мус-

**Реакционно-националистический еженедельник, основанный в 1900 г. Шарлем Морра и Леоном Додде на волне дела Дрейфуса. Впоследствии группа "Аксьон франсез" симпатизировала итальянскому фашизму и сотрудничала с режимом Виши. Морра был исключен из Французской академии и приговорен к пожизненному заключению. — Ред.*

солини, несомненно, был знаком с идеями “Аксъон франсез”, и они не оставили его равнодушным. Но еще большее влияние оказал на Муссолини Сорель, который консерватором не был. Пропасть между Гитлером и старой немецкой консервативной и антидемократической традицией была еще глубже, и это не являлось лишь следствием новой тактики. Существует связь между нацистской доктриной и “идеями 1914 г.”, которые в свою очередь были несколько более откровенным выражением некоторых идей девяностых годов прошлого века. Но можно лишь еще раз повторить, что только в результате мировой войны, политических беспорядков и экономического кризиса эти идеи, упрощенные и популяризированные, приобрели могущество, которым не обладали ранее.

Настроения и идеи не были одинаковыми в разных странах, но порождало их чувство недовольства общим состоянием дел и сомнения относительно роли культуры (*Kulturpessimismus*), распространившиеся в последней четверти XIX в. Врагом Франции и Италии был объявлен “либерализм”, в кайзеровской Германии – “разрушительный рационализм” и “чрезмерный индивидуализм”. Критически настроенные немецкие публицисты сетовали по поводу распространения материализма – и как философии, и как образа жизни; по поводу упадка духовных ценностей; по поводу последствий индустриализации, с одной стороны, и либерального капитализма – с другой; по поводу раздробленности общества, разрыва прежних социальных связей, крушения этических ценностей. Они с сожалением отмечали, насколько возросла моральная опустошенность, и предрекали, что без возрождения национальной общности (*Volk*) декаданс, уже царивший повсюду, будет углубляться и сможет привести к всеобщему краху.

Все эти печальные пророчества можно считать преувеличением, но основывались они на существовавших отрицательных явлениях. Это отмечали и левые авторы,

объяснявшие происходящее неизбежными последствиями банкротства капитализма, с которыми будет покончено сразу после свержения старого общественного порядка. Они также указывали на упадок культуры, распад общественных связей, отчуждение. Однако их метод лечения – революция – не был приемлемым для критиков капитализма справа. Социализм, с точки зрения правых, представлял собой сугубо материалистическую доктрину без высоких идеалов, нацеленную исключительно на перестройку экономики. Правые не могли поверить, что социализм приближит лучшее будущее. В их понимании социализм означал “больше, но того же”, замену существующей элиты новой иерархической структурой еще более низкого ранга. С их точки зрения, социализм был “сползанием до уровня масс” (*Vermassung*), а не восхождением общества на более высокую ступень; прогрессирующей деградацией морали и культуры; забвением всех ценностей, выработанных человечеством за многие века.

Консервативные предшественники национал-социализма подумывали о культурной революции, основой которой должно было стать возрождение народа-общины (*Volk*), возвращение к традиционным ценностям, восстановление общины с естественной иерархией, аристократией пророков и воинов. Германская концепция общины (*Gemeinschaft*) противопоставлялась гражданскому обществу Запада, а германская культура объявлялась высшей по сравнению с западной цивилизацией. Во Франции и Италии особо акцентировали понятие нации, а не народа (*Volk*), но несмотря на то, что мыслители французской правой не чурались расизма, наиболее плодородную почву расизм нашел для себя именно в Германии.

Согласно этой доктрине, немецкому народу, который неизмеримо выше всех других народов, грозит смертельная опасность. Поэтому следует строго блюсти чистоту крови, и это прежде всего означает устранить влияние ев-

реев, марксистов, предшественников либерализма и всех прочих наднациональных сил. Это означало, что для выполнения своей исторической миссии германской расе необходимо “жизненное пространство” (*Lebensraum*). Подобные идеи развивали и популяризировали многие мыслители, причем некоторые были выходцами из левого лагеря (Вильгельм Марр и Евгений Дюринг), а некоторые – иностранцами (Хьюстон Стюарт Чемберлен). Не все они верили, что превосходство германской расы можно доказать научными методами. Но в конце концов, не столь уж важно, как они пришли к своим выводам – на основе псевдонаучных рассуждений или исходя из символа веры крайнего национализма.

Миф “народа” (*Volk*) и упор на расизм были особенно сильны в Германии. В других странах, как, например, в Италии, серьезную роль отдавали нации и государству. Д’Аннунцио писал, что гордится тем, что является латинянином и любого нелатинянина считал варваром. Но д’Аннунцио не был представителем основного направления фашизма. Муссолини утверждал, что не нация порождает государство. Эту идею он считал устаревшей “натуралистической концепцией”, которая легла в основу национализма XIX в. В действительности государство создает нацию, дарует ей волю к существованию, и только народ, сознающий свое моральное единство, живет настоящей жизнью. В этой связи некий британский фашист, поклонник Муссолини, писал: “Расизм – материалистическая иллюзия, противоречащая законам природы и разрушительная для цивилизации; логическое приложение расизма было бы смешным и непрактичным”.

Таким образом, на философском уровне присутствовал острый конфликт между нацистской идеологией и фашистской доктриной; однако он был скорее иллюзорным, нежели реальным. Миф “народа” ни в коей мере не исключал мифа рейха. Во всяком случае, и нацисты,

и итальянцы стремились возродить сильную государственную власть, противопоставляемую бессильному либеральному государству. Согласно взглядам нацистов, цель государства – не обеспечение большего счастья большему числу граждан. Наоборот, интересы государства всегда выше прав индивидуума. Государственная власть основана на руководителе, и легитимность лидера гарантируется тем простым фактом, что люди идут за вождем. В этом смысле лидер выражает волю народа, а фашизм – подлинная демократия.

Согласно нацистской и фашистской доктринам, высшей ценностью и целью является величие, а равенство и гуманизм – ложные идолы эпохи Просвещения. Правильно то, что помогает государству и нации. Согласно “Майн кампф”, каждая нация – естественный враг другой, и та, которая обладает большей волей, более фанатична и жестока, победит. Внутри нации и между нациями существует расовая иерархия. Высшие расы – господа – призваны править, низшие – подчиняться, а прогресс человечества может быть достигнут лишь при сохранении чистоты крови (расы). Естественный порядок вещей таков, что лидерство Германской империи отвечает потребностям всего человечества. Соответственно, любая война, которую ведет Германия, – война справедливая по определению. Германия и Франция – извечные враги, славяне – низшая раса. Внутри Германии власть должна принадлежать вождю и новой аристократии, рожденной кровью и почвой. Но если фюрер и новая аристократия не соответствуют своим должностям, возможно ли устранить их? Этот вопрос нацистская доктрина оставила без ответа.

Итальянский фашизм основывал свою идеологию на принципе центральной роли нации в естественном порядке вещей. На самом деле, фашисты сознавали, что нация – миф, а не реальность. Перед “походом на Рим” Муссолини четко и кратко высказался по этому поводу: “Мы

создали наш миф. Миф – это вера, это страсть; наш миф – нация, и этому мифу, этому величию мы подчиняем все остальное”. В этой доктрине нет места тонкостям демократии. Гуманизм не имеет к ней никакого отношения. Главная цель – работать ради величия нации. Средство достижения этой цели – государство, которое должно осуществлять контроль над всеми политическими, моральными и экономическими факторами.

Государство – не просто арбитр, разрешающий конфликты интересов. У него есть своя воля; вне государства не существует никаких гуманистических и духовных ценностей. Таков был идеал, и с философской точки зрения не столь уж важно, что реальность фашизма так никогда и не приблизилась по-настоящему к его доктрине.

В значительной мере корни фашизма начали прорасти в довоенной философской среде, оставившей далеко позади официальную националистическую идеологию и не приемлющей либерализм, демократию и наследие эпохи Просвещения. В свою очередь эта идейная среда создала почву для дальнейшего развития и распространения фашизма. Среда эта была одновременно и буржуазной, и антибуржуазной, отвергала рационализм и индивидуализм либерального общества и самодовольство консерваторов. Высшими ценностями считались не стремление к счастью, а борьба и героика. “Жить, презирая страх” – вот лозунг фашизма того времени. Фашизм поклонялся природе (в собственном понимании), физической силе, жестокости, варварству. Это восстание молодости против филистерства, бунт против посредственности, осторожности, терпимости, размеренной городской жизни. Фашизм хочет сотворить нового человека и новую цивилизацию (по немецкой терминологии, “новую культуру”). В какой-то мере фашизм был всего лишь позой и способом самовыражения мелких философов, надеявшихся завоевать широкую аудиторию, шокируя публику крайне резкими

заявлениями, а также писателей-декадентов, таких как Барре и д’Аннунцио, превратившихся из мечтателей в людей действия. В течение многих лет старый порядок как-то существовал, несмотря на всеобщее недовольство и уныние, но духовная атмосфера для многих была невыносимой. Многие молодые европейские писатели в канун Первой мировой войны вспоминали ощущение удушья и то облегчение, которое они почувствовали с началом войны: наконец-то все должно измениться!

Если бы не разразившаяся катастрофа, эти настроения остались бы не более чем интересной главой истории культуры, такой как символизм и натурализм. Но справиться с неопределенностью послевоенной эпохи можно было лишь с помощью ясных идей и сильного руководства, способного противостоять множеству опасностей, угрожавших Италии и Германии. Либеральная демократия нередко выглядела слабой и нерешительной (и была таковой на самом деле). В подобных условиях обычно резко возрастает готовность поддерживать политические движения, пусть антидемократические, лишь бы они были способны покончить с кризисом. Кроме того возникла не существовавшая до войны психологическая готовность примириться с насилием.

Остается ответить еще на два вопроса. Разрыв между тоской по новой тесной общности, мечтой о величии и героизме, и преступлениями, совершенными фашизмом, чудовищно велик. Различия между идеями “критиков культуры” (*Kulturkritiker*) конца XIX в. и реалиями фашизма столь же огромны, как несоответствие гитлеров, геббельсов и штрейхеров эстетическим идеалам нордической расы. Экспансионистская и милитаристская доктрина неизбежно привели бы к конфликту. Но нельзя с определенностью заявить, что особый радикализм фашизма и полный провал этой идеологии были предопределены.

Идеи философских предтеч фашизма не были ошибочны во всем. Они апеллировали к сильному идеалист-

тическому началу и к фундаментальным инстинктам человека, ибо отчасти основывались на благородной мечте и вере в предначертанное. Именно поэтому фашизм привлек множество юных идеалистов, а не одних лишь карьеристов, авантюристов и отбросы общества. Но до какой степени вожди фашизма верили в собственную доктрину? Возможно, они лишь цинично пользовались ей, чтобы манипулировать людьми для захвата и сохранения власти? Даже Гитлер не верил в обскурантистские нелепости ранних расистских мыслителей относительно крови и почвы и нередко пренебрежительно отзывался об их фантазиях. Он никогда не читал розенберговский "Миф XX века" и однажды в разговоре заявил, что "только наши враги читают эту книгу". Придя к власти, фашисты вынуждены были идти на компромиссы: они так и не совершили ни обещанной социальной революции, ни даже "возврата к почве", столь красноречиво провозглашавшегося нацистскими мыслителями. Так же наглядно выявился нацистский "прагматизм" в союзе с ненормативными нациями — Италией и Японией, который с точки зрения нацистской расовой доктрины нелегко было оправдать.

В остальных отношениях фашистские лидеры остались верны своим принципам: они действовали в соответствии с идеей "священного эгоизма" нации; практиковали принцип вождизма; и уж, конечно, не обращались к принципам гуманизма и терпимости. Фашисты не были, как иногда полагают, нигилистами. Чтобы понять политику нацистов и фашистов, необходимо учесть, что фашистские вожди следовали идее, в которую они твердо верили, безотносительно к тому, насколько извращенной эта идея была. Их миф был и пропагандистским орудием, и (по их мнению) элементом высшего порядка вещей, который неизбежно утвердит свою истинность. Один из расистских мыслителей определил это с обезоруживающей откровенностью: "Возможно, что высшей расы, к которой мы

неустанно взываем, в действительности не существует. Но мы все равно создадим ее". Среди германских национал-социалистов фанатиков было куда больше, нежели среди итальянских фашистов. Но в определенных масштабах фанатизм типичен для всех фашистских движений именно потому, что фашизм основывается на подлинной вере.

ДОСТИЖЕНИЯ ФАШИЗМА

Ни один режим не мог обойтись без достижений и успехов — и фашизм не исключение. Если бы в послужном списке фашизма числились одни преступления и неудачи, он смог бы удержаться у власти, лишь опираясь на массовый террор, но в действительности все было много сложнее. Фашизм действительно удовлетворял некоторые нужды и чаяния широких слоев общества и тем завоевал их восторженную поддержку и уважение. Большинство фашистских движений так и не добились власти, но их главной задачей был вызов тем, кто находился у власти. Даже обещанный Тысячелетний Рейх просуществовал всего лишь 12 лет, и половина из них пришлось на годы войны, а Италия пребывала под властью фашизма немногим более двадцати лет.

Кризис 30-х годов не обошел и Италию. Хотя в 1929-1939 гг. национальный доход этой страны возрос, доход на душу населения не изменился. Муссолини организовал несколько эффективных кампаний, таких, например, как "битва за пшеницу" и осушение болот в долине реки По. В послевоенный период протекционистская политика Муссолини обеспечила возможность развития итальянской автомобильной промышленности и киноиндустрии. Но несмотря на это, итальянцы в 1940 году жили немногим лучше, чем за 10-20 лет до этого. Хотя Муссолини выступал за автаркию и корпоративность, но он, по-видимому, не питал глубокого интереса к экономике и не

имел в этой области особо конструктивных идей. Он хотел превратить Италию в великую державу, пример для всего человечества, и экономическая политика интересовала его лишь в этой связи.

Фашисты проявляли активный интерес к организации досуга рабочих. Итальянская организация "Dopo lavoro" ("После рабочего дня") не была столь же влиятельна, как немецкая KdF ("Kraft durch Freude" – "Сила через радость"), но тем не менее она способствовала росту популярности фашистов, используя такие средства, как общественные клубы, продажа дешевых билетов в театры, на концерты, экскурсии. Поскольку Италия того времени была менее развитой в промышленном отношении, чем другие крупные европейские государства, то она и меньше пострадала от последствий безработицы в городах, а положением на селе общество не особенно интересовалось. "Христос остановился в Эболи" Карло Леви, "Фонтамара" и "Хлеб и вино" Игнацио Силоне – книги, реалистически показывающие жизнь в деревне, были опубликованы лишь после войны.

Иностранцы же видели прежде всего, что при Муссолини была полностью ликвидирована мафия, а поезда ходили по расписанию. Но самым важным было то, что Италия, которую союзники предали при заключении послевоенных мирных договоров, вновь обрела влияние на международной арене. Именно поэтому в 1932 г. Муссолини смог провозгласить, что через десять лет вся Европа станет или фашистской, или "фашизированной". Еще до вторжения в Эфиопию в 1935 г. и участия в гражданской войне в Испании на стороне Франко в 1937 г. Италия как бы уже находилась в состоянии войны: ирредентистская пропаганда постоянно провозглашала, что Средиземное море – "наше море" ("*mare nostrum*"), причем Италия претендовала не только на Северную Африку, но и на Корсику и Ниццу. Это казалось привлекательным

многим итальянцам, в том числе и представителям интеллигенции, которые издавна объявили Италию "нацией пролетариата", обделенной при дележе военной добычи.

Итак, фашизм в стране был достаточно популярен. В плебисците конца 20-х гг. 99% голосовавших поддержали фашизм и Муссолини, и эти результаты, скорее всего, не были фальсифицированы. Можно, однако, полагать, что к концу 30-х гг., в особенности со вступлением Италии в войну, популярность режима существенно снизилась.

Экономические и социальные проблемы, стоявшие перед нацистами после их прихода к власти, были значительно острее, чем в Италии: шесть миллионов безработных и спад промышленного производства на 50% по сравнению с 1929 г. Гитлер обещал восстановить германскую экономику и выполнил обещание, и это в значительной степени объясняет его личную популярность и популярность его партии. Неверно полагать, что все успехи были достигнуты только благодаря перевооружению: в массовых масштабах перевооружение страны началось лишь в 1936 г., когда безработица сократилась до 2,7 миллионов, то есть снизилась на 60% (по сравнению с двадцатипроцентным снижением в США и Великобритании). К этому времени промышленное производство Германии возросло на треть.

Среди нацистов не было экономических гениев; большинство ключевых позиций на местах было отдано специалистам, не состоявшим в партии. Нацисты инстинктивно нашли правильное решение в примитивной кейнсианской стратегии: перекачивание средств в экономику, дефицитное финансирование, широкомасштабные общественные работы. Некоторые решения, принятые нацистами, (и результаты этих решений) должно поставить в заслугу предшествующим правительствам: так, строительство автомагистралей началось и частично завершилось еще до 1933 г. Нацисты всегда выступали в защиту мелкой розничной торговли и против крупных универсальных

магазинов, однако развитие сетей таких универмагов приостановило еще правительство Брюнинга. Следует при этом знать, что нацисты весьма энергично взялись за решение экономических проблем: в 30-е гг. государственные капиталовложения возросли более, чем втрое. Общественные расходы составили в 1938 г. 35% национального дохода по сравнению с 23% в Англии и 10% в США. Вмешательство государства в экономику в Германии было большим, чем в других странах, а вопрос цен и заработной платы в основном решали государственные чиновники, что также ускорило развитие хозяйства по сравнению с другими государствами. Новые хозяева стремились ограничить зависимость германской экономики от международной торговли: они сократили импорт на треть и пытались сделать основой внешней торговли бартерный обмен. Такие меры некоторое время были эффективны, но после 1936 г. привели к росту товарного дефицита и к дестабилизации рынка. Если бы не победы Германии на первых этапах войны, подобная система могла бы рухнуть очень быстро.

Попытки нацистов любой ценой создать рабочие места включали также обязательную трудовую повинность, хотя это была идея молодежного движения 20-х гг. Массированное перевооружение Германии полностью ликвидировало безработицу, более того, возникла нехватка рабочей силы. Дефицит частично покрывался за счет возвращения на производство женщин, лишившихся работы в первые годы пребывания нацистов у власти. Все чаще использовали иностранных рабочих, сначала на добровольной, а затем – на принудительной основе.

В первые годы правления нацистов заработная плата рабочих и служащих была низкой. Почасовая оплата промышленных рабочих в 1932-1938 гг. снизилась, тогда как цены на основные продукты – мясо и масло – возросли. Существовала острая нехватка продуктов, но с улиц

немецких городов исчезли угрюмые очереди безработных; появилось оптимистическое ощущение, что кризис можно преодолеть. Профсоюзы были распущены, но забастовок по существу не было, хотя в нацистской Германии, в отличие от фашистской Италии, забастовки не были запрещены законом. Германское сельское хозяйство также выиграло от сокращения импорта продуктов питания. Богатые жили неплохо, хотя чрезмерные прибыли и расточительность не поощрялись. Крупные землевладельцы (юнкеры) не подвергались экспроприации, но и их доходы контролировались.

Нацистский режим приобрел репутацию режима, заботящегося о судьбе простого человека. Зимой для бедных собирали деньги и одежду (“зимняя помощь”), сфера деятельности организации “Сила через радость”, основанной в 1933 году, вскоре весьма расширилась. Билеты в театры и на концерты за 50 пфеннигов были доступны любому, а восьмидневная поездка в долину реки Мозель стоила всего 7 марок. Не менее девяти миллионов немцев не упустили возможности побывать на подобных экскурсиях; гораздо больше народу, чем когда-либо раньше, могло поехать за рубеж. Это было время праздников. Всенародными празднествами стали Олимпийские игры 1936 г. и ежегодные партийные съезды в Нюрнберге, а на местах устраивали праздники сбора урожая и многочисленные шествия в честь исторических событий и событий текущей политики.

Немецкий боксер Макс Шмелинг стал, хотя и на недолгое время, абсолютным чемпионом мира; Рудольф Харбиг установил мировой рекорд в беге на 800 метров. “Народное радио” – дешевый, но качественный радиоприемник – начали производить в массовом масштабе, а позже был создан “фольксваген” – “народный автомобиль”, доступный каждому. Кинофильмы и радиопередачи излучали всеобщий оптимизм и глубокое удовлетворение.

Верно и то, что не слишком афишировались теневые

стороны жизни страны: значительные группы населения мало что выиграли от экономического подъема (к примеру, заработная плата государственных служащих была заморожена), некоторые области (Силезия, Саксония, Гессен) экономически отставали от других, также как и Юг Италии не смог догнать Север. Однако Веймарское социальное законодательство не было пересмотрено, и кое в чем социальное обеспечение в Третьем рейхе было лучше, чем в прежние годы. Роберт Лей, руководитель Германского трудового фронта, при каждом удобном случае провозглашал, что новый режим выступает за социальную справедливость и что в Третьем рейхе все имеют равные возможности. Рабочие и крестьяне не часто достигали ключевых политических и экономических позиций. Но руководство поощряло продвижение вверх по социальной лестнице и заявляло, что ликвидация наследственных привилегий и состояний – лишь вопрос времени.

Действительно ли фашизм опирался на новейшие технологические и социологические достижения? Некоторые авторы последних лет склоняются именно к этой точке зрения, но с достаточным ли основанием? Сейчас это уже не так важно. Главное, был ли фашизм привлекателен для его современников. В каком-то смысле итальянский фашизм и нацизм были силой, которая вела к модернизации страны, часто опосредованно и вопреки первоначальному замыслу режима. И Гитлер и Муссолини восхищались современной техникой и старались использовать ее как можно эффективнее. Так, Гитлер был первым среди политиков, кто ежедневно летал самолетом, чтобы посетить как можно больше мест в ходе предвыборной кампании.

Но идеология нацизма была устремлена в прошлое, равно как и фашистская доктрина: идеалами были Римская империя и германское средневековье. Нацисты рисовали унылые картины жутких последствий урбанизации и индустриализации и противопоставляли все эти ужасы

спокойной идиллической жизни в средневековой деревне, маленьком городишке или же в Нюрнберге эпохи мейстерзингеров. Даже у Гимmlера, одного из самых влиятельных вождей Третьего рейха, командующего элитными частями СС, взгляды на многие вопросы сформировались под влиянием темных и нелепых предрассудков. Да и вся нацистская доктрина была по сути своей иррациональной, взывающей не к разуму, а к крови, инстинктам и эмоциям.

Через много лет исследователи выделили четкие компоненты современного планирования и рационализации сельского хозяйства и промышленности Германии, но в тридцатые годы лишь немногие осознавали эти новшества. Если фашизм и отступал от собственных реакционных концепций, то лишь из чистого прагматизма. Нацисты осуждали пороки больших городов, но большинство немцев жило именно там; и как ни критиковали нацисты индустриальное общество, страна с 70-миллионным населением нуждалась в экономической основе, гораздо более мощной, нежели базирующаяся на сельском хозяйстве. И коль скоро Гитлер и Муссолини предпочли вооружить свои армии бомбардировщиками и танками, а не мечами и алебардами, они не могли обойтись без развитой тяжелой промышленности.

Со временем нацистам пришлось постепенно расстаться с прежними фетишами. Некоторых вождей даже не пришлось долго в этом убеждать – например, Геббельс и Геринг никогда особо не верили в действенность средневекового идолопоклонства. Но модернизация, проводившаяся фашистами, имела реакционную окраску, поскольку нацисты не переставали отвергать современную цивилизацию Запада. Подобное сочетание вполне возможно: варварство – не монополия слаборазвитых стран и донаучной эпохи. Сталина называли “Чингис-ханом с атомной бомбой”, а мусульманские фундаменталисты не отказываются

от мощной современной взрывчатки лишь потому, что изобрели ее на прогнившем Западе.

Некоторые шаги к обновлению, такие как отмена в Германии религиозных школ, пережили фашизм. Но социальные перемены в стране наступили лишь как следствие великих потрясений, вызванных Второй мировой войной: беды одних обернулись удачей для других, а гибель огромного числа людей создавала возможность продвижения для выживших. Но, как мы уже говорили, полагать, что фашизм привлек миллионы людей, обещая революционные перемены в обществе, было бы ошибкой. Подавляющее большинство в 30-е гг. требовало порядка и стабильности, и Гитлер отлично это сознавал. Вскоре после захвата власти он заявил, что национальная революция завершилась и в ближайшее тысячелетие никаких революций больше не будет.

В международной политике фашизм действовал весьма успешно: Германия и Италия стали сильными европейскими государствами. Большинство населения преодолело заботы и тяготы повседневной жизни, и важным политическим фактором оставалась национальная обида — прежде всего на победителей в Первой мировой войне, которые не позволили Германии и Италии занять подобающие им места. Становится понятно, почему призывы Муссолини к аннексиям и пересмотру границ получили столь активную поддержку. По этой же причине для немцев воссоединение Саара с Германией в 1935 г., ввод немецких войск в Рейнскую область в 1936 г. (в нарушение Версальского договора) и вступление германской армии в Австрию в 1938 г. стали национальным триумфом.

После каждого очередного вторжения в чужую страну Гитлер обычно провозглашал, что это его “последнее территориальное требование”. Большинство австрийцев и немцев, живших в Чехословакии, действительно не возражали против воссоединения с рейхом. Но в марте

1939 г. после захвата остатка Чехословакии стало, наконец, понятно, что устремления Гитлера вовсе не ограничиваются национальным объединением. Но в какой степени они выходят за рамки этой цели? Хотел ли он завоевать лишь Европу или мечтал о мировом господстве? Вероятно, Гитлер сам этого не знал, а его соратники не дают ответа на этот вопрос. Они лишь следовали за фюрером, чье видение было несравненно шире, как и подобает судьбоносной личности.

Что бы произошло, если бы в 1938 г. Гитлер, создав мощную великую Германию, остановился? В этом случае не было бы мировой войны, и нацистское государство смогло бы выжить. Некоторые даже полагают, что Гитлер вошел бы в историю как великий и мудрый правитель. Дэвид Ллойд Джордж, бывший премьер-министр Великобритании, заявил в 1934 году, что “Гитлер был самым полезным для Германии лидером со времен Бисмарка, а то и Фридриха II”. Это типичное для иностранцев того времени впечатление основывалось на ошибочном суждении. Бисмарк был государственным деятелем, разумом и инстинктом понимавшим, когда следует остановиться; Гитлер, в противоположность ему, был одержимым, не способным остановиться даже тогда, когда понимал необходимость этого. Гитлер был азартным игроком, не обладавшим чувством реальности, и чем больше он преуспевал, как это было в первые годы его правления, тем глубже становилось его убеждение, что он может справиться с любым врагом. Как мог он надеяться противостоять всему миру при ограниченных ресурсах Германии? Его дерзания все более и более оборачиваются безответственностью. Когда в декабре 1941 г. было приостановлено наступление в России, Гитлер объявил войну США; это решение противоречило интересам Германии и оказалось залогом ее будущего поражения. Оно не было простой ошибкой в расчетах, подобной вторже-

нию войск Муссолини в Грецию, а актом самоубийства. И это отнюдь не единственный пример.

Успех нацистов во внешней политике обеспечил Гитлеру огромную популярность в 30-е годы и создал обстановку, которая привела Германию к мировой войне и последующему поражению. Но в какой степени эта обстановка была результатом действий именно нацистов и гитлеровцев? Никакая иная разновидность фашизма не желала и не была в состоянии спровоцировать мировую войну. Муссолини собственными силами мог осуществить лишь колониальную экспедицию в Африке, но не решился бы ввязаться во что-либо более серьезное, чем гражданская война.

Но и в малых странах фашизм характеризовался милитаризмом, ультра национализмом и чрезмерной агрессивностью. Соблазнительны были бы размышления на тему, как сложились бы, например, отношения между фашистскими Великобританией и Францией или между нацистской Германией и фашистской Францией? Столкнулись бы интересы этих стран, или же они смогли бы мирно сосуществовать?

В 30-е гг. среди антифашистов был популярен лозунг “Гитлер – это война”, примитивный, но по существу верный. Идеология и практические цели нацизма исключали мирное сосуществование с другими странами, не говоря уже об отношениях равенства. И поскольку, согласно фашистской философии, война – не несчастье, а напротив, необходимая страница в истории народов, целительная по своей природе, то следует не избегать войны, а приветствовать ее. Некоторые апологеты Гитлера утверждали, что он желал не войны, а трофеев. Однако можно привести бесчисленные примеры, когда Гитлер заявлял прямо противоположное. Однажды он даже выразил сожаление, что Мюнхенские соглашения (октябрь 1938 г.) лишили его столь желанной войны.

Войны сопровождали человечество всегда; порой они вспыхивали случайно, а порой с заранее намеченной целью. Но никогда ранее цивилизованное государство не строило планов будущей войны столь хладнокровно. Нацистские вожди совершенно не учитывали того, что в XX веке война в Европе неизбежно обернется тяжким несчастьем и для победителей, и для побежденных. Они никогда не задумывались всерьез об издержках войны – это было бы проявлением “психологии рабов”. И они слишком поздно поняли, что поднявший меч от меча и погибнет.

Ну и что, что Муссолини добился, чтобы поезда ходили по расписанию, а Гитлер построил превосходную сеть автострад, если города, связанные этими дорогами, оказались разрушены? Можно понять, почему успехи фашизма в его первые годы производили на многих огромное впечатление. Но эти многие слишком долго не задумывались над тем, что за все придется дорого и скоро расплачиваться.

ИДЕОЛОГИЯ НЕОФАШИЗМА

В чем отличие неофашизма от исторического фашизма? Может быть, это лишь новая ослабленная версия итальянского и германского фашизма 1930-х гг.? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно, ибо и прежде существовало множество разновидностей фашизма, да и сейчас их не меньше. Некоторые следуют традициям ультраправых, другие – национально-революционным или даже национал-большевистским традициям, третьи – хранят верность историческому фашизму. Далеко не всегда легко уяснить разницу между ними. Но у всех этих течений есть общие черты – неистовый национализм, вера в могущество государства и чистоту нации, ненависть к либерально-парламентскому устройству общества, оппозиция коммунизму, с одной стороны, и капитализму – с другой.

Существовали и вовсе странные течения, такие как “Народная борьба” итальянца Серафино Луйя и “фашистский маоизм” бельгийца Жана-Франсуа Тириара, чья организация “Молодая Европа” имела последователей в нескольких странах.

Новый фашизм набирает силу, только если приспосабливается к изменившейся обстановке. Культ фюрера и дуче вышел из моды, и лидеры этого типа покинули политическую сцену. Воздействие средств массовой информации и пропаганды сильно, как никогда, что и продемонстрировало правление Сильвио Берлускони в Италии 1993-1994 годов. Возникла *телекратия*, способная совершать чудеса – пусть и на короткое время. Национализм не потерял своей привлекательности, но в Европе его проявления – это скорее оборонительная, нежели агрессивная реакция; складывается впечатление, что война правилами игры не предусматривается. К тому же у ультраправых нет монополии на национализм: в Греции, например, и левые, и правые одинаково националистические.

Понимая, что военная агрессия более не приемлема, неофашизм избрал позу спасителя Европы. В этом нет ничего нового и революционного: уже проигрывая войну, Гитлер по-прежнему изображал из себя спасителя Европы, так же поступал и Мосли. Но подобное поведение – скорее проявление отчаяния, нежели подлинной убежденности.

Для движений, ищущих свою цель, призыв спасти Европу содержит определенный элемент логики: экономическое, демографическое и даже политическое давление на Европу постоянно возрастает, несмотря на то, что непосредственная угроза с Востока уже дело прошлого. Однако действительно спасти Европу сможет лишь интеграция, гораздо более тесная, нежели та, что допускается большинством неофашистов, поскольку противоречит их национализму и ксенофобии.

Неофашисты славят великое прошлое и великое бу-

дущее Европы. Проблемы современной реальной Европы оставляют их равнодушными. Большинство из них выступает против Европейского союза, Маастрихтских соглашений и европейской валюты. Неофашисты заняты разработкой “европейской идеи”, которой пока еще нет, но которая, по их утверждению, обязательно будет создана. Понятно, почему восточноевропейские неофашисты не особо жаждут чересчур тесного сближения с неофашистами Западной Европы.

Неофашизм выступает против коммунизма, но коммунизм перестал быть угрозой. С ограничением американского присутствия в Европе ослабевает и американская угроза, за исключением, быть может, в сфере ультуры и духовной жизни. Ультраправые в Европе, на Ближнем Востоке и в Азии всегда были настроены против Америки и даже в разгар холодной войны исповедовали некую форму нейтралитета (нередко называемую “третий путь”). Некоторые настороженно относились к НАТО, некоторые участвовали в демонстрациях против ядерных вооружений. В пропаганде правых непременно присутствовала завуалированная идея: “Европа – оккупированный континент”.

Социализм советского типа мертв, и после его смерти пропаганда ультраправых выдвинула на передний план антикапитализм, несмотря на отсутствие альтернативной социально-экономической программы. Постоянно выступая против либерального капитализма, свободной торговли, транснациональных корпораций и “Уолл-стрита”, они никогда не объясняли, что предлагают взамен. В 30-е годы фашисты обычно высказывались за автаркию, но в настоящее время она уже невозможна; теперь неофашисты больше не призывают упразднить биржу и расширить государственную собственность. Не разъясняют они и своих позиций относительно социальной помощи и налогообложения. Они обещают защитить “национальный средний

класс” от иностранных капиталистов (компрадоров). Однако эта старая ленинская концепция не применима в конце XX века. Некоторые (но не все) неонафашисты выступают за государственное контролирование экономики, более значительное, чем в США. Однако эту идею они разделяют с многими партиями, в частности – с левыми.

Неонафашисты обещают восстановить семейные ценности и принять крутые меры против наркомании и порнографии. Их “ценностный консерватизм” (*Wertkonservative*) призывает уделять большее внимание охране окружающей среды, и действительно, в 90-е годы, вопросы экологии стали основной темой их пропаганды. Но и в этой области первенство принадлежит не им, поэтому любая попытка изобразить нацистов и их кредо “крови и почвы” как первых “зеленых”, просто неверно понятых, вовсе не убедительна. В своих публикациях неонафашисты часто пишут о гибели лесов, озоновых дырах, опасности загрязнения среды. Они не одобряют современный феминизм, но не это главная их забота. Несмотря на издевательское отношение неонафашистов к субкультуре современного гомосексуализма, некоторые из неонафашистских лидеров, например, немец Михаэль Кюн (умерший от СПИДа) – гомосексуалисты.

У неонафашистов нет единства мнений в отношении религии. Русские неонафашисты – православные христиане, выступающие за тесное сотрудничество с церковью (но против чрезмерной зависимости от нее). Различные сектантские элементы поддерживают неоязычество, причем их языческие божества вовсе не тождественны. Если некоторые ультраправые провозглашают приверженность традиционному христианству – вследствие подлинных убеждений или оппортунизма, то другие избирают теософские секты в традициях Елены Блаватской и Элис Бейли. Так в 60-е годы среди хиппи, культ которых требовал “пробуждения совести”, вновь возникают различные эзотери-

ческие группы. Эзотерические учения, не будучи националистическими и даже политическими в строгом смысле слова, глубоко антирациональны; в них просматривается тенденция к размыванию границ между добром и злом. На смену морали приходит “биоэтика”, а понятие добра заменяется планетарной пользой. Однако и это не ново: оккультные идеи проповедовало множество шарлатанов, приложивших руку к возникновению нацизма (и в меньшей степени – итальянского фашизма). Эти идеи нередко резонируют с призывами крайних неоутопистов из движения зеленых (так называемых экофашистов), выступающих за депопуляцию континентов. Некоторые группы неонафашистов и движение “Новый век” связывает идейное родство. Если “добро” – это то, что хорошо только для меня лично, то применение даже самых крайних мер против остальных может считаться оправданным. В этом смысле неонафашизм можно рассматривать как часть движения, пытающегося заполнить духовную пустоту, возникшую в результате упадка религиозного сознания.

В настоящее время ощущается недостаток новых политических идей. Сегодня идея фашистской диктатуры лишена былой привлекательности, и поэтому неонафашисты стараются не затрагивать этого вопроса. В некоторой идеологической неясности есть и свои преимущества. Основная цель неонафашизма – оказаться безупречной альтернативой либерально-демократической системе, малоэффективной, или же хаосу, возникшему в результате крушения коммунизма в Советском Союзе и Восточной Европе. Именно поэтому неонафашисты считают разумным не формировать четко свою позицию, чтобы не потерять тех, кого они хотели бы привлечь в свои ряды.

Возможно, для неонафашистов достаточно было бы выглядеть, как партия порядка, национального возрождения и спасения своей страны (или Европы) от алчных чужако-паразитов. Куда важнее добиться респектабельности,

нежели иметь детально разработанную и последовательную программу. Семьдесят лет назад программы нацистов и итальянских фашистов были весьма кратки, но вряд ли кто-либо обращал на это внимание, и отсутствие программ не слишком помешало политическому успеху этих партий. Неофашизму, отметим еще раз, не нужна ни идеология, ни гуру – их роль не самая важная. У неофашизма совсем немного приманок, они несложны, но вполне достаточны для нынешних политических действий. Идеиные построения можно оставить интеллигентам. Достойные своего имени воинствующие неофашисты понимают инстинктивно, за что они выступают, даже если и не имеют ученой степени по политологии.

Фашизм традиционно базировался на мифах, интуиции, инстинктах (воля к власти и голос крови) и иррациональной системе идей, не имеющих ни малейшего отношения к научному знанию, к пониманию историко-политических и экономических тенденций. Положение не изменилось и сейчас. Идеологи фашизма были малозначительными личностями, такими как, например, Альфред Розенберг, автор известного “Мифа XX века”. Весьма сомнительно, чтобы хоть кто-нибудь обратился к нацизму после прочтения этой книги. То же относится к Италии, но идеологам положено было пребывать в тени, они были всего лишь толкователями. Пророками и кладезями мудрости были фюрер и дуче. Однако, в противоположность Ленину и Сталину, у них не было идеологических амбиций. Они стремились творить историю, а не толковать ее; они предпочли роль не мыслителей, а людей действия. Основные черты фашизма были (и есть) самоочевидны – национализм, социальный дарвинизм, расизм, насущная необходимость в вожде и новой аристократии, послушание, неприятие идеалов Просвещения и Французской революции.

Никто из “бритоголовых”, “фашо”, “хулиганов” не прочел ни страницы Джулио Эвола или Алена Бенуа; это

справедливо и для большинства тех, кто голосовал за партию Жана-Мари Ле Пена, для британских и германских правых, для австрийских и других ультраправых европейских группировок. Скорее всего, они приобрели идеологию со второй попытки, ощутив отсутствие теории как некую незавершенность.

Теоретики, оказавшие определенное влияние на политическое руководство ультраправых и на наиболее грамотных членов воинствующих неофашистских групп, практически не были известны за пределами своего лагеря. Один из них – Джулио Эвола (1898-1974 г.г.), принадлежал к крайнему флангу исторического фашизма; он впервые появился на итальянской сцене как яркий антиклерикальный (антикатолический) писатель. Можно увидеть некоторое сходство между Эволой и Розенбергом, однако Розенберг (его повесили по приговору Нюрнбергского трибунала) при жизни был весьма известен, а после смерти совершенно забыт. Эвола, напротив, приобрел влияние после поражения фашизма. При Муссолини он не входил в высшее руководство. Дуче считал его несколько экзальтированным интеллигентом (что на языке фашистов отнюдь не было похвалой), но достаточно полезным, поскольку немногие истинные последователи фашизма были способны написать статью, не говоря уже о книге. Эвола был ярким антисемитом и еще более фанатичным врагом масонства. В конце войны во время воздушного налета он был тяжело ранен и стал инвалидом. Поскольку в строго юридическом смысле он не был военным преступником, то после недолгого пребывания в тюрьме продолжал писать и печататься. Среди тех, кто попал под его влияние, был Пино Раути, предшественник Джианфранко Фини на посту лидера итальянских неофашистов. Джорджи Альмиранте называл Эволу “наш Маркузе, только еще лучше”. Некоторые работы Эволы опубликовали на французском и немецком, ему посвятили конференцию в Сорбонне;

после 1988 года теоретики из рядов российской ультраправой избрали его своим духовным наставником.

В чем заключались идеи Эвола? Уже упоминалось, что он тяготел к язычеству. Эвола, как и Бенуа, считал христианство причиной падения Римской империи – этот тезис был опровергнут еще Гиббоном и дальнейшему обсуждению не подлежал. Антикатолические выступления Эвола Джованни Монтини, будущий папа Павел VI, охарактеризовал следующим образом: “отступление от истины в пользу интеллектуальной лихорадки – странной формы смешения рассудочности и невращения, интенсивного культа невинности, псевдомистической манерности и каббалистической восторженности, магическим образом экстрагированных с утонченной отравой восточной эрудиции”¹. Отзыв, полученный 26-летним Эволой, не устарел и в отношении его последующих творений. Будущий папа мог бы упомянуть еще и дадаизм, ибо Эвола начинал карьеру как дадаистский поэт и художник (некоторые его картины того периода и сегодня можно увидеть в римском музее). Он считал себя и традиционалистом и величайшим революционером, антиисторическим метафизиком, антиэгалитаристом, антигуманистом, сторонником примата интуиции перед разумом, верующим в иерархию и “духовную потенцию”. Он выступал против современной цивилизации и свободы: современный свободный человек – эмансипированный раб и перехваленный пария.

Все подобные идеи не новы: их легко обнаружить в трудах европейских философов конца XIX – начала XX вв., есть у Эвола немножко от Ницше, немножко от Сореля, концепцию “политического солдата” он признал у Юнгера, можно наткнуться на заимствования из Бергсона, Вейнингера, германских “*Kulturpessimisten*”, Моска и Парето. Близким по духу, хотя и не оригинальным философом могли бы признать Эволю молодые итальянские революционеры 1905 г.

Чем можно объяснить устойчивый интерес определенных кругов к работам Эвола после 1945 года? Стиль его отличался экстравагантностью, и читатель, не знакомый с источниками, на которые опирался Эвола, мог ошибочно заключить, что его блеск и нарочитая неясность стиля – проявления оригинальности, мудрости и глубины. Эвола пользовался модифицированной шпенглеровской теорией исторических циклов и часто, чтобы создать видимость широкой эрудиции, ссылаясь на восточную, в основном индийскую философию.

Даже обещая не выходить за пределы чисто философских рассуждений (“метapolитики”), Эвола не смог удержаться от толкований недавней истории и текущих событий. Суждения его обычно были чудовищны. В 60-е гг. вместо того, чтобы постараться придать неофашизму респектабельность, он выступает в защиту терроризма. Его герой – не Гитлер и Муссолини, а Кодряну, румынский террорист-мистик, наиболее радикальный фашист межвоенного периода. Выступая против коммунизма и Советского Союза, Эвола в той же степени не принимал и демократию. Между коммунизмом и демократией нет существенной разницы, демократия – это “сифилис духа”. Воззрения Эвола значительно повлияли на “Новый порядок” (“*Ordine nuovo*”) – итальянских внепарламентских правых. Когда Эволю отдали под суд, его последователи заявили, что их революционность не агрессивна, а является всего лишь самозащитой. И действительно, в те времена итальянские ультраправые не были достаточно сильными, чтобы пойти по пути последовательного террора. Государство легко раздавило бы правых, и они поступали весьма разумно, воздерживаясь от конфронтации. Эвола умер в 1974 г., когда итальянский фашизм был слаб, а надежды на его возрождение невелики. Новый всплеск фашизма в 90-е гг. уже не был следствием учения Эвола.

То, что Гете сказал о Клопштоке, абсолютно справедливо

ливо и в отношении Эвола. Все ультраправые восхищались им, но лишь немногие – читали. Своими корнями Эвола уходил в эпоху дуче. В его писаниях ничто, кроме громких стенаний по поводу упадка и декаданса, материализма и демократии, наркотиков и извращений, не отвечало реалиям современного мира. Подобные жалобы отнюдь не являлись монополией ультраправых. Эвола был образованным шарлатаном, эклектиком, но не новатором.

Французские новые правые – группа молодых интеллектуалов, наиболее известным из которых был Ален Бенуа, чьи сочинения знали не только во Франции, но и за рубежом, предприняла попытку разработать более современную доктрину. Пик интереса к ней пришелся на 70-е – начало 80-х гг.; позднее эта доктрина уже не привлекала серьезного внимания, отчасти из-за раздоров среди ее адептов, но скорее просто потому, что она себя исчерпала.

Новые правые сознательно отгораживались от традиционных правых. Признавая, что в историческом фашизме содержались разумные идеи и здоровые начала, новые правые тем не менее отдавали себе отчет в том, что исторический фашизм изжил себя. Они с презрением взирали на традиционных правых. Тоталитаризм (типа Муссолини и Гитлера) воспринимался этой группой как страшная опасность, сопоставимая лишь с американским образом жизни, который угрожает захлестнуть всю Европу. В их программе не было проповедей территориальной экспансии и агрессивных войн. Оставаясь патриотами Франции, в своей доктрине члены этой группы представляли как бы всю Европу. Бенуа и его единомышленники не были склонны к вульгарному биологическому расизму. Признавая за каждой расой и национальной группой право на самовыражение и самоопределение (“этноплюрализм”), они тем не менее исповедовали концепцию иерархии рас, которую считали “подлинно научной”, основанной на открытиях этнологии (Конрад Лоренц), бихевиористской психологии и

современной генетики. В интеллектуальном отношении новые правые склонялись к заимствованиям у левых философов, таких как Антонио Грамши. Чтобы пугнуть французских благонамеренных, Бенуа в канун выборов в Европейский парламент заявил, что будет голосовать за коммунистов. Но поскольку серьезной опасности, что коммунисты победят именно благодаря голосу Бенуа, не было, эту угрозу восприняли спокойно.

После недолгих сомнений доктрину новых правых стали воспринимать как программу, в которой не хватает новизны и серьезности. Но поскольку лидеры группы были выпускниками престижных университетов, сначала к ним отнеслись довольно внимательно. Эти теоретики много читали и пользовались немалым числом источников: “Аксьон франсез” и германские консервативные революционеры (1920 - 1932 гг.), Ницше, Карл Шмитт, Эвола, антиамериканские авторы. У Эвола новые правые взяли неоязычество и убеждение, что на совести иудео-христианской традиции лежат все несчастья в истории Запада за последние две тысячи лет. Такие взгляды не только были оскорбительны для германских ультраправых, но встретили отпор во Франции, где Ле Пен и ряд ультраправых лидеров либо практиковали католицизм, либо, по меньшей мере, не имели желания вступать в конфликт с церковью.

Новые правые – реакция на социалистический эгалитаризм, господствовавший во французских академических кругах после Второй мировой войны. Но в то самое время, когда новые правые вошли в моду, среди французских левых просоветизм уже исчез. Понимая, что нет смысла продолжать избивать дохлую лошадь марксизма, Бенуа направил свои атаки на “американизм”, известный также как “культура кока-колы” и “макдональдизм”, либерализм и западный капитализм. Он не предлагал никакой четкой альтернативы, кроме общих ссылок на необходимость обновления элиты и на пагубные послед-

ствия “арифметической” демократии. Новые правые всегда гордились тем, что для них наибольший интерес представляли проблемы и перспективы культурной революции. Среди их публикаций гораздо больше рецензий на кинофильмы, нежели статей по экономике. На самом деле, изучение идей новых правых напоминает визит на склад (или кладбище) идей и идеологий, собранных, чтобы предпринять новую попытку их синтеза.

Новые правые и подобные им группы пробовали найти “антилевую” идеологическую альтернативу. Но в отличие от исторического фашизма они стартовали со слабой позиции. В ядерный век ни одна европейская страна не может претендовать на роль великой державы. Объединенная Европа, в лучшем случае – отдаленная мечта, а война, как средство достижения политических целей, исключается. В историческом же фашизме культ силы и военной доблести, жертвенности и героизма играли решающую роль. Наследникам фашизма нужны новые идеи и новые идолы.

Неофашисты обвиняют новых правых в пустой трате времени на бесплодные теоретические дискуссии, ничем не отличающиеся от дискуссий новых левых. В какой-то степени это верно, но и неофашисты сталкиваются с аналогичной проблемой – резким ограничением политической сцены, где не остается места мечте о славе; фашизм вынужден приспособливаться к условиям страны лилипутов. Идеиное вооружение новых правых весьма похоже на багаж итальянского фашизма – небиологический расизм, опасность американизации европейского общества и культуры (у фашистов – декаданс), верховенство элит, иерархическая структура политических институтов, отказ от парламентской системы. Призыв к “ориентации на Восток” – реминисценция национал-большевизма 20-х гг.

И все же новые правые и фашизм отличаются друг от друга: фашизм сознает, что лишь мобилизация масс спо-

собна привести к политическим переменам. Новые правые, напротив, жаждут возвращения к идеям элитаризма начала XIX в., которые не оставляют в политике места простому человеку. Фашизм утратил агрессивный шовинизм, идеологию военной силы и войны. Самое большее, на что он способен, – это на оборону и обещания спасти Европу от нашествия иностранцев. В “государстве социальной помощи” (welfare state) фашизм может сохраниться как источник радикальных идей в духовной сфере, но политическая реальность резко ограничила свободу его действий. Корни фашизма – протест и чувство отчаяния, а не вера в политическое мессианство и грядущее национальное возрождение. Оживление ультраправых в 1980-е и 1990-е гг. связано с всеобщим недовольством, преступностью, эмиграцией, неполадками в политической системе. Все это лишь в малой степени напоминает “героический пессимизм” Эволы, Бенуа и их популяризаторов.

КЛЕРИКАЛЬНЫЙ ФАШИЗМ И ТРЕТИЙ МИР

В последние годы одна из давних разновидностей фашизма, клерикальный фашизм, переживает стадию возрождения и в некоторых странах имеет немалые шансы на успех. Клерикальный фашизм может существовать в самых разных ипостасях, таких, например, как симбиоз с радикальной фундаменталистской религией.

Термин “фундаментализм” несовершенен, как и большинство терминов, используемых в современных политических и общего характера дискуссиях. Но пока еще никто не дал определения, которое бы лучше характеризовало данное явление и столь же широко использовалось. Если фундаментализм есть нечто ортодоксальное, возвращение к источникам, к священным текстам, то легитимность современного фундаментализма явно вызывает сомнение.

Нередко фундаменталисты предлагают свою собственную, новую интерпретацию этих текстов, ни коим образом не тождественную традиционной. Точнее было бы определение фундаментализма как антимодернизма, но поскольку формулировок модернизма тоже немало, это не принесет существенной пользы. Остановимся на том, что фундаментализм представляет собой радикальное, воинствующее, фанатичное движение, пытающееся силой навязать другим свои верования. Следовательно, это движение политическое.

Сходство между фашизмом и фундаментализмом заметили еще в 1920-е гг., задолго до того, как имя Гитлера стало широко известным. Один из самых первых отчетов о фундаментализме в США (на немецком языке) был озаглавлен “Фашизм и фундаментализм в США”.² Автор наглядно показал, как политический фанатизм подпитывает религиозную нетерпимость, как крайний национализм и популизм идут рука об руку с радикальной религиозностью, и как Ку-Клукс-Клан сотрудничает с фундаменталистами. И фашисты, и фундаменталисты – выходцы из одинаковых слоев общества; и те и другие, плохо образованные и недовольные, отдают предпочтение примитивным и насильственным методам.

Термин “клерикальные фашисты” появился еще раньше – в 1922 г. Так называли группу католиков, члены которой жили в Риме и Северной Италии и выступали за синтез католицизма и фашизма. Еще в 30-е годы было отмечено сходство между “мусульманскими братьями” и фашистами; известно и то, что крайние мусульманские организации поддерживали страны оси во время Второй мировой войны.

В выдающейся работе, опубликованной в 1937 году, немецкий католический автор назвал нацизм новым политическим исламом, а Гитлера – его пророком Мухаммадом. Откуда этот “новогерманский” (*neudeutsch*)

ислам? Гитлер, от “Майн кампф” и до позднейших публикаций, утверждал, что носителем, провозвестником и паладином новой религии всегда был меч. “Основная движущая сила всех революционных перемен – ненависть; всепроникающий фанатизм и даже истерия поднимают массы быстрее любой научной теории”.³

Нацизм содержал элементы язычества, итальянский фашизм проявлял антиклерикальные тенденции, но это были лишь маргинальные явления. Однако после захвата власти фашистское руководство старалось не осложнять отношения с церковью. С другой стороны, духовенство играло важную роль в фашистских государствах и профашистских движениях. Фашистские и профашистские партии в Латинской Америке и различные “интегралистские” движения отвергали языческие элементы нацизма и призывали к необходимости христианской духовной революции (о. Чарльз Кофлин в США). Освальд Мосли писал впоследствии, что слабость британского фашизма состояла в том, что в своем духовном облике он не был в достаточной степени инспирирован христианскими идеями. И Энгельберт Дольфус и Курт Шушниг в Австрии, и словацкое правительство католического священника Иозефа Тисо (в свое время нередко называемого клерикальным фашистом) не были религиозными фанатиками, они были скорее авторитарны, нежели тоталитарны. С другой стороны, хорватское государство усташей – истинный пример взаимопроникновения религии и фашизма, приведшего к государственному терроризму, беспрецедентному даже по балканским меркам.

Некоторые утверждают, что долговременного взаимопонимания между фашизмом и религией не может быть просто потому, что это мировоззрения холистские, предъявляющие претензии на человеческую личность во всех ее проявлениях. “Да не будет у тебя иных богов, кроме

Меня”, – провозглашает Библия, но Библия же требует, “отдать Кесарю – кесарево, а Богу – Богово”. Талмуд недвусмысленно объявляет “Дина де мальхута – дина”, то есть “Закон светского государства – это закон”. Однако ислам, согласно фундаменталистам, – “дин да дауля” – и религия, и социально-политическая система. Ислам не призывает мусульман к неподчинению немусульманским правителям, но утверждает, что подчиняться следует лишь до тех пор, пока не придет конец господству “неверных”.

Доказывалось также, что синтез фашизма и религии невозможен, поскольку все фашистские течения глубоко националистичны, тогда как сегодняшний светский национализм для современных мировых религий безразличен или же абсолютно неприемлем. Однако воинствующая религиозность и национализм сосуществуют в шиитском Иране, среди еврейских фанатиков в Израиле, среди сикхов – в Индии и в других районах Азии. Русская православная церковь всегда была оплотом русского национализма, также как и армянская, грузинская, украинская и болгарская церкви – оплоты национализма в своих странах.

Еще одним серьезным аргументом может быть и то, что исторически некоторые религии не столь фанатичны, как другие. Поэтому они не могут превратиться в борцов за клерикальный фашизм. Отнюдь не все религии стремились к установлению теократии. Так, в далеком прошлом Индия была образцом веротерпимого государства, где царь Ашока почитал все религии, а Акбар проповедовал религиозную терпимость.

Подобная терпимость наблюдалась в Европе при Фридрихе Гогенштауфене в XIII веке; но это было исключением. История христианства с раннего средневековья – это преследование еретиков, сожжение ведьм, крестовые походы и погромы, инквизиция и иные формы нетерпимости. Борьба за власть между церковью и светскими

правителями продолжалась в течение долгих веков и закончилась с секуляризацией государств на пороге нового времени (в России это произошло несколько позже, при Иване Грозном, наложившим на церковь свою тяжкую десницу).

Иран – наиболее известный пример религиозной нетерпимости ислама. Строго говоря, эта традиция уходит вглубь доисламских времен; она проявляется в преследовании турок, узбеков, а в недавнее время – и различных исламских сект, а также бахайцев, христиан, евреев и всех прочих религий. Объявление священной войны – (“джихада”) неисламскому миру – “дар аль-харб” – жизненно важный коллективный долг – “фард аль-кифайя”. Джихад – перманентная революция, допускающая временные перемирия, но не подлинный мир. Таков общий закон, но на практике постоянно приходится делать уступки.

Разумеется, фундаментализм – не монополия ислама, его можно обнаружить и в христианстве, и в иудаизме, и в других религиях. Крайняя форма проявления фундаментализма – политический терроризм. В США это убийства сторонников абортов, в Израиле – каханизм, в Индии – нападения индуистов на мусульман. Фундаменталисты осуществляют политическое давление на правительства в Америке, Европе и Азии. Радикалы приобрели власть в мусульманском мире, но не исключено, что их влияние еще возрастет на огромном пространстве от Алжира до Бангладеша. С другой стороны, во многих странах Востока и Запада настолько усилился секуляризм, что захват власти фундаменталистами не представляется возможным.

Полезно выделить основные политические особенности исламского радикализма и черты, роднящие его с фашизмом. К ним можно отнести обскурантистский и антизападный характер исламского радикализма; отказ от цен-

ностей либерального общества и прав человека, примат коллективного над индивидуальным, особую власть элиты и диктаторские методы управления, широкое использование пропаганды и террора, исключительные агрессивность, прозелитство и фанатизм.

Интеллектуальные предтечи итальянского фашизма и национал-социализма проповедовали, что общественное выше личного. Они прославляли страдания во имя святой цели, считали демократию искусительной ересью, верили, что мир четко поделен на друзей и врагов (“наших” и “не наших”, по терминологии русских ультраправых 1990-х гг.). На их знамени были начертаны такие принципы, как окруженное тайной руководство, слепое подчинение, почти абсолютная вера в превосходство мужчины, непримиримый конфликт с прогнившей западной цивилизацией. Таковы были символы веры Людвига Клягеса и Карла Шмитта, Ханса Фрейера и Фридриха Вольтерса, правых протестантских теологов Веймарской республики и прочих, ныне забытых.

Но если рассуждать с иной точки зрения, то некоторые перечисленные выше принципы являются символами веры радикального Ислама. Фундаментализм сам по себе нельзя уравнивать с фашизмом. Во многих странах фундаментализм консервативен и обращен в прошлое. Иногда фундаментализм затрагивает главным образом сферу духовную, а иногда это метод защиты – реакция религиозного меньшинства на светское большинство или же на религию большинства. Таковы, например, крайне ортодоксальные евреи в Израиле, шииты в Ираке, мусульмане – в Индии. Подобные группы фундаменталистских меньшинств могут быть весьма радикальны и способны на насилие и даже террор. Но они не могут и мечтать о теократии: максимум их возможностей – добиться большей автономии.

В таких странах как Индонезия и Малайзия культурные традиции не допускают возможности развития

фашизма, а общество настолько секуляризовано, что нейтрализует влияние фундаменталистов. Победа Хомейни в Иране безусловно придала новый стимул фундаментализму во многих мусульманских странах, в частности, в Пакистане и Египте, но фундаменталисты-шииты и фундаменталисты-сунниты и в теории, и на практике резко отличаются друг от друга. Большинство фундаменталистов-суннитов считает шиитов сектантами и не приемлет пример Ирана.

И все же между мусульманским радикализмом и фашизмом есть несомненное родство. Не будучи тождественными движениями, они весьма сходны в существенных деталях, иногда даже поразительно сходны. Гитлер, придя к власти, распустил профсоюзы и отменил празднование Первого мая. День международной солидарности трудящихся стал Национальным днем труда и оплаченного отпуска, каковым не был прежде. Хомейни сделал то же самое. Отныне иранцы маршируют под лозунгами “Рабочие и труженики, Ислам – для вас!”. “Наша партия – партия Аллаха, наш вождь – Рухолла Хомейни!”. И в Германии, и в Иране празднование Первого мая продолжалось еще некоторое время, но постепенно потеряло свое значение⁴. Вряд ли аятолле была известна политика нацистов по отношению к профсоюзам и левым – скорее всего это было инстинктивное действие.

Один из исследователей современного Ирана сравнил фундаменталистский Иран не с европейским фашизмом, как таковым, а с его наиболее крайней группировкой – румынской “Железной гвардией”, которая, как и иранские исламисты, пополняла ряды своих боевиков за счет студенческой молодежи крестьянского происхождения. Оба движения исповедовали страдание, жертвенность, мученичество. Среди румынских фашистов немаловажную роль играли священнослужители, собрания начинались богослужениями, во время фашистских шествий развешивались хоругви (как и на демонстрациях русской “черной

сотни"). По словам лидера "Железной гвардии" Корнелиу Кодряну, ее целью было "воскрешение во Христе".⁵ Шииты предпочитают воскрешение имама, но параллели тем не менее поразительны.

Если радикализация в исламском мире будет продолжаться, то усилятся и фашистские тенденции. На Западе многие опасаются даже термина фашизм, но вне Европы и Северной Америки фашизм не всегда рассматривается в негативном контексте: для боевиков Третьего мира Гитлер и Муссолини – борцы за национальное освобождение, которые, даже потерпев поражение, не покрыли себя позором.

Основная черта, общая для фундаментализма и фашизма, – тоталитаризм. Фундаменталисты – в некоторых отношениях традиционалисты, но в то же время они хотят улучшить общество и человека, а не сохранять их в прежнем виде. Им нужно не просто пассивное послушание, а энтузиазм и полное подчинение. Такой фундаментализм глубоко антидемократичен и антилиберален. Нет свободомыслия, есть только ересь. Прав отдельного человека и свободы мнений не существует. Радикальные мусульманские философы воспринимают демократию как богохульство.

Это же относится к коммунизму, в особенности к его сталинистской форме. Однако теоретически сталинизм никогда полностью не отходил от своей интеллектуальной основы – Просвещения, секуляризма, идеалов Французской революции. Заявляя, что его вдохновляют идеи рационализма, коммунизм был, разумеется, антирелигиозным, в противоположность фашизму, который хотя бы на словах отдавал должное религии. Подобно фашизму, радикальный фундаментализм – популистское движение, основанное на социальной напряженности, вызванной недовольством деклассированных элементов, обделенных благами современного общества и чувствующих себя отвержен-

ными. Он носит явно эгалитарный характер и направлен против более благополучных.

Мятежники в Алжире и Египте, забрасывающие камнями новые автомобили и взрывающиеся в новые дома, столь же одержимы завистью и отчаянием, как и глубоким религиозным чувством. Под "священным гневом" скрываются разочарование и старомодные идеи "классовой борьбы". У рекрутов плебейских штурмовых отрядов в Германии 1932-1933 гг. много общих черт с тегеранскими хулиганами, которые стали хребтом движения мулл.

Исламскую революцию в Иране поддержали многочисленные недовольные: средний класс и "базарис" – мелкие торговцы и ремесленники, считающие себя обойденными и отвергнутыми сегодняшним днем. Они не могли получить кредитов и чувствовали угрозу, которую несут им современные магазины и импорт высоких технологий. Существовал и новый, современный средний класс, но шахский режим, опасавшийся любых проявлений общественной независимости, не позволил ему организоваться. Движения, приведшие к победе европейский фашизм и исламскую революцию, состояли из разрозненных групп с противоречивыми классовыми интересами. Но не эти интересы играли решающую роль, особенно на позднейших этапах. Новый режим пообещал во имя высшей цели сгладить классовые противоречия. "Базарис" было велено вернуться к традиционным занятиям, а Хомейни объявил, что отнюдь не высокие цены на дыни явились причиной его "славной революции".

При фашизме главный инструмент власти – государственная партия, при фундаментализме – религиозные организации. Такие организации могут подчиняться харизматическому лидеру, подобному Хомейни, но как правило, имеют коллективное руководство. Духовное сословие в шиитской системе играет центральную роль, в суннитском фундаментализме – гораздо меньшую. Однако для всех

фундаменталистских движений характерно, что священнослужители никогда не стоят слишком далеко от руководящих постов. Это касается и радикальных раввинов в Израиле, и сингалезских монахов в Шри-Ланке, и священников в других районах мира. Радикальная политизированная религия, как и фашизм, притягивает молодежь и студентов. Это вызвано крушением альтернативных идеологий, неприятием западного образа жизни, безработицей и невозможностью добиться положения, достойного полученного образования.

Как исторический, так и клерикальный фашизм имеют похожие экономические программы. Вернее было бы указать на отсутствие таковых. Оба движения выступают против материалистического социализма, но за “справедливый общественный строй”, оба движения отвергают капитализм западного типа, но не возражают против частной собственности. Не доверяя рынку, они тяготеют к государственному капитализму. В нацистской Германии СС и некоторые нацистские лидеры создали крупные корпорации, такие как предприятия Германа Геринга. В Иране правящее духовное сословие, имея в своем распоряжении миллиарды долларов, владеет акционерными компаниями и фондами, контролирующими значительную долю экономики Ирана. Муллы осуждают демонстративное расточительство, но вполне мирятся с роскошью в частной жизни, если она сокрыта от глаз.

И наконец, важнейший вопрос – о насилии. Радикальный ислам взирает на природу человека весьма пессимистически: страх необходим; если человек никого не боится, он будет грешить. Одного лишь внушения недостаточно: требуется принуждение, и не только по отношению к врагам, но и к сторонникам. Применение террора распространяется и на собственную страну, и на зарубежные страны. Нацисты, фашисты и, конечно же, сталинисты в мирное время не брезговали политическими убийствами

за пределами своих стран, но они всегда пытались замести следы. Исламские радикалы практикуют это в открытую, как показали покушения на жизнь Салмана Рушди и бенгальской писательницы Ташимы Нашрин. Отступники и ренегаты должны быть наказаны, иначе их примеру последуют другие. Можно было предположить, что сотни фанатиков-верующих добровольно пожелают исполнить священный долг, ибо каждому мученику гарантировано место в раю. Однако не слишком полагаясь на человеческую природу, муллы сделали задачу еще более привлекательной, посулив более миллиона долларов в вознаграждение за убийство отступника Рушди.

Исламизм – не религия, а религиозная идеология, главная цель которой – бунт против Запада и модернизма. Корни исламизма – в неприязни, которую чувствуют мусульмане против главенствующего положения Запада в политике, культуре и экономике. Западные ценности не приемлются, поскольку подрывают традиционный мусульманский порядок и образ жизни, оттесняя религию и духовенство на второй план. Эта идеология столь же яростно отвергает Китай, Японию и Россию. Но поскольку на протяжении обозримого времени мусульманские страны в основном имели контакты и конфликты с Западом, то ожесточенный гнев направлен в первую очередь против исчадий Сатаны в этой части мира.

Идейное антизападничество по духу весьма близко традиционной позиции ультраправых европейских мыслителей, чьи взгляды проложили дорогу фашизму.⁶

Согласно мнению некоторых специалистов, возрождение фундаментализма – это результат крушения национализма и национальных государств в арабском и мусульманском мире из-за искусственно проведенных границ. Но это верно лишь отчасти. Так или иначе, арабские секулярные националисты также возражали против прежних границ, а конфликт между секулярным национализмом

и исламом нельзя считать непримиримым. Насер и Саддам Хусейн, будучи националистами, в своих антизападных выступлениях как истинно правоверные мусульмане призывали к джихаду. И их широко поддерживали исламистские радикалы, несмотря на гонения на “мусульманских братьев”, шиитские секты и другие радикальные группировки.

Неприятие либеральных и светских ценностей, в том числе и прав человека в западном понимании, и их подмена исламским порядком не требуют подробного анализа. Некоторые западные защитники культурного релятивизма заявляют, что это не конфликт, а лишь недоразумение, основанное на традиционном предубеждении христианства против “воинствующего ислама”. Кое-кто из них доказывает, что по восточному обычаю слова не всегда употребляются в их прямом значении (например, “священная война”) и что между мусульманской догмой и мусульманской практикой пролегает огромная дистанция. Эти аргументы не полностью ошибочны, поскольку любая идеология вынуждена делать некоторую скидку на реальность, несовершенство человека и его слабости. Любая идеология, будь то исторический фашизм или коммунизм, вынуждена приспособляться к переменам в экономике и технике, не может избежать этого и ислам. Верно также, что арабский язык обнаруживает тенденцию к гиперболам. Но все же эта апологетика ложна, ибо попытается представить радикальный ислам более умеренным, чем он есть. Китайские коммунисты не были лишь “аграрными реформаторами”, как полагали доверчивые иностранцы в 1930-1940-е гг. И мусульманские радикалы – отнюдь не только правоверные, творящие добрые дела и молитвы: их главная цель – наказать неверных. Если исламское судилище (“*фатва*”) призывает покарать писателя, осмелившегося критиковать самого пророка или его учение, если женщине, выразившей недовольство об-

ращением с представительницами ее пола в исламском обществе, выносят смертный приговор, то это подтверждает сказанное выше. Если христианских священников убивают в Иране и Центральной Африке, иностранцев – в Алжире, а коптов – в Египте, это отнюдь не результат недоразумения.

Шиитский и суннитский ислам по-разному относятся к элитарному характеру власти и диктатуре. Учение шиитов основано на том, что двенадцатый имам (потомок пророка Али), давно и таинственно исчезнувший, явится вновь, и только тогда государственная власть станет законной. Пока этого не произошло, верующие мусульмане нуждаются в руководстве, и поскольку у большинства из них нет достаточных знаний, Коран истолковывают религиозные сановники-*муджахиды*, высшими из которых являются *аятоллы*. Руководить могут как отдельные личности, подобные покойному Хомейни и его преемнику Хаменеи, так и группа аятолл (*сура-ие раббари*).

“Мусульманские братья” в Египте и в других странах в этом отношении более либеральны. Их главный наставник Сайед Кутб, казненный при Насере в 1966 году, заявлял, что бразды правления мусульманской страной не обязательно должны находиться в руках тех, кто носит чалму. Достаточно, если государство принимает шариат, заменяющий конституцию и своды законов.

Однако у ислама нет всеобъемлющей системы законов. Лишь в небольшой части Корана обсуждаются право и общество (как и Мухаммад не оставил никаких указаний относительно преемника). Многие аспекты в жизни общества вообще не обсуждаются в Коране. Короче говоря, только глубокие знатоки Корана способны истолковывать все подобные неясности, и эту роль вряд ли могут играть короли и президенты, сколь религиозны они бы ни были. Однако некоторые арабские лидеры, как, например, Муаммар Каддафи (Ливия),

однозначно отвергают подобные требования священнослужителей и требуют признать их право на толкование Корана. Они называют экстремистов “шарлатанами и еретиками”, которых следует уничтожать, как диких зверей, ибо их цель – разрушить ислам и расколоть нацию.

В клерикальном фашизме роль массовой партии играет община верующих. Они выходят на гигантские демонстрации, вступают в народную милицию и в элитные формирования. Население тщательно контролируется системой участковых надзирателей, аналогичной системе “квартальных уполномоченных” (*blockwart*) при нацизме.

Когда клерикальные фашисты находятся в оппозиции (Алжир, Египет), их террористические организации работают на подрыв государственной власти, убивая крупных правительственных чиновников, иностранцев, туристов и представителей национальных меньшинств страны. Клерикальные фашисты в Северной Африке и на Ближнем Востоке к настоящему времени осуществили больше террористических актов, чем нацисты и фашисты до прихода к власти. В Германии за три года до установления нацистского режима было совершено примерно 300 политических убийств, и не все из них осуществили нацисты, тогда как в Алжире в 1992-1994 гг. было убито несколько тысяч человек.

Насилие – общая черта исторического и клерикального фашизма; оно требует сурового наказания всех противников режима. Аллах, быть может, и милостив, но не его фундаменталистские представители на земле. В противоположность старомодным диктатурам (и азиатским тираниям) радикальный ислам требует полного подчинения. Он контролирует не только политическую активность граждан, но любую их деятельность, даже досуг. Сфера частной жизни сведена к минимуму, и во многих отношениях она находится под таким тотальным контролем, о котором европейский фашизм даже мечтать не мог.

Оппонентов режима уничтожают, сажают в тюрьмы, вынуждают покидать страну. При Хомейни и его преемниках были убиты десятки тысяч человек. Эмиграция из Ирана и Алжира (законная и не-законная) намного превышает эмиграцию из нацистской Германии (350 тысяч покинувших страну, включая евреев) и бесконечно превышает этот же показатель для фашистской Италии. Клерикальный фашизм – это не просто одна из сторон в конфликте между политическими режимами, это одна из сторон в конфликте между современным и анти-современным обществами; и неудивительно, что такого рода конфликт заставляет столь многих стать беженцами.

И, наконец: политический ислам агрессивен. Порожденный защитной реакцией на современность и цивилизацию Запада, он уже на ранних этапах своего развития предъявляет претензии на руководство миром: Запад не только обанкротился морально и политически, но уже близок к гибели, и единственная сила, которая способна установить новый мировой порядок – это политический ислам. Запад погружен в глубокий кризис морали и культуры, поскольку отверг религию как руководящий принцип. Ислам же не прошел периодов Реформации и Просвещения, он готов и способен выполнить ту миссию, которую христианство провалило.

Подобные претензии не оригинальны – их провозглашали уже в 1950-е гг. такие левые радикалы, как Франц Фанон, не менее страстно призывавший к применению силы против прогнившего Запада. Но Фанон и его друзья могли предложить лишь некую мифическую надуманную идею Третьего мира, тогда как фундаменталисты выражают чувства многих миллионов верующих, порожденные страхом и злобой. Движение фундаменталистов объединяет традиционное ощущение общей для всех миссии.

Их агрессивность имеет, вероятно, и иные причины: если западную цивилизацию не разрушить, то западный

рационализм, западная наука, западный секуляризм и западные развлечения одолеют ислам и приведут к его гибели. Поскольку невозможно, да и незачем, строить стену, чтобы отгородиться от влияния западной культуры, то единственный способ остановить сегрегацию – это разрушить источник зла; отсюда следует необходимость исламизировать Испанию и Францию, а затем всю Европу и остальной мир.

Что питает исламистов, и в чем слабость этого движения? Популярность ислама – это реакция на все возрастающую роль Запада в области культуры и политики. В прошлом чрезвычайно развитая культура и огромная сила, ислам ныне беден и слаб. Его попытки копировать западные институты и обычаи, принятые в XIX – начале XX вв., потерпели крушение. Это привело к бунту против Запада под флагом арабского (а также североафриканского и персидского) национализма. И нынешний ислам – это традиционно политическая религия на второй стадии бунта против Запада. Раньше, в конце 30-х гг., у фашизма в его простом и чистом виде были последователи в мусульманском мире. Партия “Мыср аль-Фатат” (“Молодой Египет”) Ахмада Хусейна черпала вдохновение в европейском фашизме, то же можно сказать и о социал-националистической партии Сирии Антуана Са’аде и панарабской партии Баас, которая впоследствии раскололась на сирийское и иракское крылья, ожесточенно воюющие друг с другом, несмотря на минимальные идеологические различия.

Два поколения арабских военных, в том числе Насер и Садат, а позднее – Саддам и Асад, в молодые годы подпали под влияние европейского фашизма или его разновидностей в других регионах. Но их партии не были исключительно исламскими; в руководящих кругах партии Баас были и арабы-христиане. После поражения стран оси, когда фашизм лишился ореола всепобеждающей силы, его

восточным последователям пришлось припасть к другим источникам вдохновения – коммунизму, правому и левому популизму, и наконец, к исламу. Первый натиск фашизма на Ближнем Востоке был безуспешен, но за ним последовал второй – всплеск мусульманского радикализма.

Выше упоминалось о связи между социально-экономическими бедами и активизацией мусульманского радикализма. Государства с самыми острыми политическими проблемами одновременно переживают самые тяжелые экономические трудности. Судан и Бангладеш относятся к беднейшим странам мира. В течение многих лет в Судане происходит сокращение валового национального продукта, а Бангладеш постигли стихийные бедствия. Алжирская экономика не развивается уже долгие годы, доход на душу населения там упал, уровень безработицы составляет 50%, а для молодежи этот показатель еще выше. Миллионы людей не имеют приличного жилья. В экономике бывших советских мусульманских республик наблюдается резкий спад (за исключением Казахстана, где, впрочем, в 1993 г. инфляция составила 150%); экономика Таджикистана находится по существу в катастрофическом состоянии. В то же время ежегодный прирост населения в таких странах, как Алжир и Судан, превышает 3%. В 1974 году в Алжире было 16 миллионов жителей, ныне – 31 миллион. За этот же период население Судана удвоилось – с 18 до 35 миллионов, то же произошло с населением Ирана – оно увеличилось с 30 до 60 миллионов. В какой-то степени контроль за рождаемостью практикуется в этих странах, пусть и не с благословения властей, но произошло это слишком поздно, и результаты вряд ли проявятся в обозримом будущем. В конце Второй мировой войны население города Алжира составляло 300 тыс. человек, ныне – 2 миллиона. Население Тегерана (вместе с пригородной зоной) выросло с 1 до 10 миллионов.

Алжир и Иран – страны, производящие нефть и имею-

шие значительные доходы от продажи нефти и природного газа. Алжирские нефтяные доходы были растрочены при "социалистическом" режиме Хуари Бумедьена; Иран пережил значительный экономический подъем в 1960-1970-е гг., однако революция 1979 г. и последовавшие за ней события положили ему конец. Ныне безработица в Иране достигла почти 50%, доход на душу населения резко снизился.

Если при шахе Иран развивался достаточно быстро, то как могло случиться, что на смену шаху пришла теократическая диктатура? Ответ на этот вопрос в следующем: как бы быстро ни развивалась страна, население, в особенности средний класс, хотело, чтобы это происходило еще быстрее. Следует добавить, что оппозиция диктатуре шаха выступала под знаменами свободы, а не режима аятолл. И в результате демократы и левые революционеры проложили дорогу режиму, которого они вовсе не хотели и который расправился с ними быстрее, эффективней и еще более жестоко, чем могло сделать правительство шаха.

Сказанное об экономических и социальных проблемах относится практически ко всем мусульманским странам, кроме крупнейших экспортеров нефти, таких как Саудовская Аравия и малонаселенные эмираты Персидского залива. Это справедливо даже для Пакистана и Турции, где рост производства и дохода на душу населения был невелик, но сопровождался либо высоким уровнем инфляции (Турция), либо такими непроизводительными расходами, как большие ассигнования на военные нужды (в Турции, и в Пакистане).

Когда большие группы населения оказываются за чертой бедности без особых надежд на то, что положение их изменится, популистские движения, утверждающие, что спасение придет через веру, способны мобилизовать огромную армию безработных. Можно, однако, надеяться, что массы, которым обещают столь много, а делают для

них так мало, не будут слепо поддерживать режим, и вскоре начнется пассивное сопротивление, а затем сформируется активная оппозиция.

Во времена тяжелых кризисов политический ислам может оказаться серьезным претендентом на власть в мусульманском мире. Но радикалы идут еще дальше: они уверены, что на них возложена всеобъемлющая миссия. Фантазии о глобальной миссии вряд ли реализуются, но даже бедная и относительно слабо развитая страна может оказаться весьма опасным соседом, если у нее будет современное оружие.

Иран ведет по числу терактов, осуществленных во многих странах мира – содержит лагеря для подготовки террористов, снабжает их оружием, поддерживает инфраструктуру террористических групп в Ливане, Египте и в других районах Ближнего Востока и Африки. Иран имел непосредственное отношение к взрывам и убийствам в Европе, Северной и Южной Америке и Азии. В долгосрочной перспективе это вряд ли принесет выгоду Ирану, но в настоящий момент такие действия несомненно заставляют помнить о такой опасности. Северную Корею никто не принимал бы всерьез, если бы не ее ядерная программа. То же относится и к Ирану в связи с его стремлением обзавестись ракетами дальнего радиуса действия, ядерными вооружениями, биологическим и химическим оружием. Терроризм и даже обладание средствами массового уничтожения не могут превратить Иран в мировую державу: наоборот, применение такого оружия приведет страну к гибели.

Пока правители Ирана не проявляют склонности к самоубийству, они скорее предпочтут владеть средствами массового уничтожения в первую очередь для того, чтобы обеспечить своей стране доминирующее положение на Ближнем Востоке. Их политика исходит из предположения, что малые страны Ближнего Востока не могут в

военном отношении сравняться с Ираном, но такая предпосылка может оказаться ошибочной. Иран также не принимает во внимание вероятность того, что вызванный им кризис может выйти из-под контроля и привести к катастрофе.

Западные критики признают недостатки своего общества и без напоминаний со стороны ислама. Аскетизм шиитского ислама и других радикальных сект, требующих строгого соблюдения религиозных ритуалов, (некоторые из них носят мазохистский характер), вряд ли сможет найти энтузиастов на Западе. Ислам – древняя религия, и некоторые прославляют ее как бунт против Просвещения и разума, но если Запад или Восток почувствуют потребность в определенной дозе фундаментализма, то у них есть свои религии, не говоря уже о различных эзотерических культах нового времени.

Сила радикального ислама – это сила популистской системы, которая привлекает простых людей, обещая хоть какую-то уверенность в опасном и нестабильном мире. Слабость политической религии состоит именно в том, что она обещает счастье на земле. Она вынуждена демонстрировать реальные успехи, поскольку не может ссылаться на смягчающие обстоятельства, когда дела обстоят не так, как хотелось бы. Отгораживаясь от современной цивилизации, радикальный ислам изолируется и от современной науки – источника силы и благосостояния. Исламские сановники искренне верят, что если современную науку надлежащим образом исламизировать, то она сможет исправно служить исламу, но подобная идеологическая обработка означает отставание. Да и вообще сомнительно, насколько эффективно можно использовать науку в теократической системе.

Результаты правления фундаменталистов в Иране не свидетельствуют в их пользу. Несмотря на значительные доходы от экспорта нефти, экономика страны пере-

живает застой и упадок. И нет оснований полагать, что если радикалы придут к власти в Алжире, Египте или другой мусульманской стране, положение там будет иным.

Что же случится, когда обещания и пророчества не исполнятся? Теоретическая возможность – либерализация: и действительно, рамки свободы постоянно расширяются, и в большей степени, особенно в Тегеране, чем можно было бы ожидать. Небольшие нарушения исламского кодекса игнорируются, а коррупция среди чиновников смягчает строгости исламской ортодоксальности, что напоминает советскую систему, которая никогда не была полностью идентична оруэлловскому “1984”; это же происходит и с радикальным исламом.

Но когда трудности обостряются, а режим в то же время не в состоянии либерализоваться, не подвергая опасности собственное существование, он обычно становится еще более радикальным. Даже если исламисты придут к власти и в других странах, они не смогут оказать существенной помощи муллам в Тегеране. Они не смогут заручиться серьезной финансовой поддержкой, и их собственное руководство окажется под угрозой. Самое большее, на что они смогут надеяться – “фундаменталистский интернационал” небольшого числа стран, временно координирующий политические и террористические акции.

Много говорилось о террористах-самоубийцах, от которых, как некоторые полагают, невозможно защититься; но то же говорили и о японских летчиках-камикадзе. На самом деле, лишь немногие захотели стать кандидатами в самоубийцы, и нет оснований полагать, что в будущем их окажется больше. В прошлом иранские руководители вели себя осторожно и отвергали какие-либо обвинения в государственном терроризме. Но если теократы почувствуют себя загнанными в угол, без борьбы они власть не отдадут. Осторожная политика и непризнание вины уйдут в прошлое.

Очевидно, что радикальный ислам слаб: не создав жизнеспособной альтернативной социально-экономической системы, он не способен конкурировать с остальным миром. Цели и стиль правления исламских правителей и удручающая жизнь фундаменталистского общества (вспомним траурные процессии и самобичевание черных шиитов) противоречат темпераменту, надеждам и чаяниям большинства людей. В чрезвычайной ситуации человек может разделять фанатизм, но фанатизм не способен накормить голодных или сделать жизнь более радостной. В наше время нельзя отгородить общество от запретных импортных развлечений. Если режим шаха подорвали магнитофонные записи речей Хомейни, то режим аятолл распатывают телевизионные передачи из других стран, которые через спутниковые антенны смотрят миллионы иранцев.

Фашизм лучше, чем исламисты, понимал, что массы необходимо развлекать. Аятоллы не предлагают ни хлеба, ни зрелищ – одни лишь религиозные ритуалы; подобно фашизму они в состоянии мобилизовать массы, но как долго смогут удержать их мобилизованными? Следует отметить еще две не менее серьезные ошибки: радикальному исламу следует понять, что для успешного распространения идей необходим средний класс – предприниматели и интеллигенция, которыми, несомненно, сложнее манипулировать, но без сотрудничества которых радикальный ислам обречен.

Кроме того, долгие годы радикалов заботил западный Сатана, но они не заметили, что за это время возникли и другие центры глобального значения. Так, вместо того, чтобы поддержать добрые отношения с Индией, они угрожали ей. Китай и Россия также обеспокоены радикальным исламом. Короче говоря, клерикальные фашисты бросили вызов не только Америке и Европе – и другие политические силы в мире рассматривают их как потенциальных врагов. Даже если бы все исламские страны

были едины, такое отношение к внешнему миру неразумно: рассчитывать лишь на поддержку меньшинства – самоубийство.

Хвастливые заявления иранских правителей, что больше миллиарда мусульман жаждут присоединиться к их битве, – фантазия чистой воды. Самые многонаселенные мусульманские страны – Индонезия, Пакистан, Турция – не желают быть вовлеченными в дело, в которое сами не верят. Пример Ирана не привлекает даже фундаменталистские группы этих стран, и хотя они и не отказываются от иранских денег и оружия, следовать за аятоллами не желают.

Радикальный ислам усилился в основном в Центральной, Западной и Восточной Африке, где число приверженцев ислама в течение одного поколения возросло вдвое. Стратегия, применяемая в этих отсталых странах, была сходной, а то и просто одинаковой. Первый этап – строительство мечетей, исламских центров и школ. Для привлечения новообращенных издавались газеты, вещали радио- и телестанции. Предпринимались также попытки заменить английский и французский языки арабским. Следующий этап (значительное число жителей уже обращено в истинную веру) – образование политических партий и начало подготовки боевых отрядов. Продолжается кампания по превращению страны в исламскую республику, основанную на шариате. Вооруженные отряды – основной инструмент захвата власти. Сначала их главная цель – уничтожение противников, таких как христианские миссионеры, и дестабилизация государства (в случае, если власти не желают пойти на уступки радикальному исламу).

Такова была стратегия от Мали и Нигера на Западе Африки до Сомали и даже Танзании. Этому религиозному империализму во многом способствовала экономическая отсталость страны и низкий культурный уровень ее населения. В Африке южнее Сахары – в странах Сахеля –

ислам стал религией беднейших из бедных и наиболее отсталых элементов.

Однако распространение радикального ислама тормозилось отсутствием единства среди его последователей: Саудовская Аравия – наиболее активный и щедрый финансовый спонсор – не координировала своих действий с иранцами и их суданскими союзниками (сосредоточившими усилия на Восточной Африке) и с Каддафи, который к тому же является сторонником той разновидности ислама, которая не по нутру ортодоксальным священникам. Радикальному исламу пришлось также столкнуться со старой проблемой особого характера африканского ислама с его культом святых и элементами анимизма, которые особенно заметны в таких значительных африканских мусульманских странах как Сенегал и Нигерия (северная). Фундаменталисты Севера могут смириться с “африканским путем к исламу”, но с ним никогда не согласятся ни иранцы, ни саудовцы, ибо в африканском исламе роль женщины куда значительнее, чем в арабском мире и в Иране. Несмотря на глубокие внутренние противоречия, вторжение радикального ислама в Африку – явление огромной важности.

Исламизм (но не сам ислам) – единственная сила в сегодняшнем мире, которая открыто выступает за экспансию, гегемонию, экспорт революции и призывает к джихаду – священной войне против внутренних и внешних врагов, к войне против других культур, компромисс с которыми невозможен. Джихад – отправная точка и основная тема радикального ислама.

Иногда пытаются объяснить понятие джихада как чисто духовную концепцию, но духовной она остается лишь до тех пор, пока радикальный ислам не почувствует себя готовым для всеобъемлющего джихада. Ясно, что невозможно одновременно бороться и со всем миром, и с внутренними врагами ислама. Поэтому “исламская угроза” преувеличена

Западом, и не только потому, что он представляет ислам более фанатичным и агрессивным, чем тот есть на самом деле, а просто потому, что ислам внутренне слаб. Исламский радикализм скорее похож на итальянский фашизм – колосс на глиняных ногах, нежели на германский нацизм. Его постигнет судьба Италии Муссолини, но ждать этого придется, наверное, долгие годы, претерпевая немалые страдания. Ни государство хорватских усташей, ни клерофашисты в Словакии не имели доступа к ракетам и ядерному оружию. Сочетание фанатизма и современного оружия массового уничтожения представляет собой опасность, не существовавшую в прошлом.

Клерикальный фашизм – наиболее заметная среди новых разновидностей фашизма в Третьем мире, но ни в коей мере не единственная. Президент США Джордж Буш во время войны в Персидском заливе назвал Саддама Хусейна фашистом. На подобные эпитеты, к тому же высказанные в пылу битвы, не стоит обращать особого внимания. И все же такое определение иракского режима выходит за рамки обычной риторики. Особенности политической системы Ирака не исчерпываются военной диктатурой и однопартийностью. Такие характерные черты, как движение в направлении тоталитаризма, широкое использование террора и пропаганды, культ личности вождя, необузданный национализм, военная агрессия, сближают этот режим с большинством фашистских режимов и движений 1930-х гг. Репрессии в Ираке более жестоки, чем были в Египте при Насере, и если Хусейн все же пользуется немалой поддержкой, особенно в кругах ближневосточной арабской интеллигенции, то это потому, что он выступает с антизападными и панарабскими лозунгами.

Перед Второй мировой войной к неевропейскому фашизму (и не без причины) относились с известной долей пренебрежения как к “фальшивке”. Фашизм предпола-

гает наличие определенной стадии общественного развития, инфраструктуры и способности к эффективному управлению. В противном случае фашистская диктатура невозможна. С тех пор ситуация изменилась, — фашизм вне Европы оказался не только возможен, но кое-где превратился в реальную действительность. Иракский и сирийский режимы обладают явственными фашистскими чертами, хотя по своей направленности они скорее секулярные, нежели религиозные, а власть принадлежит военным с политическими амбициями, а не религиозным сановникам. И иракское и сирийское руководство принадлежат к партии Баас — элитаристской панарабской группировке, возникшей в 1930-е годы отчасти под влиянием европейского фашизма.

После войны партия Баас, однако, не намеревалась копировать предвоенные фашистские режимы. Она поняла, что единственный шанс захватить власть — военный переворот, а не массовое движение, и вербовала рекрутов и своих сторонников в кругу молодых армейских офицеров. До прихода к власти Саддама Хусейна и Хафеза эль-Асада и в Багдаде, и в Дамаске происходили частые смены одного военного диктатора другим. Чтобы удержаться у кормила власти дольше, чем предшественники, новым диктаторам было необходимо создать еще более беспощадный механизм управления — не старомодный военно-полицейский режим, а современный, предоставляющий возможность использовать для подавления оппозиции террор и пропаганду.

С середины 1970-х гг. и Ирак, и Сирия прошли долгий путь; в обоих государствах установились пусть не совсем идентичные, но националистско-социалистические режимы. Оба режима жестоко подавили движения национальных меньшинств в своих странах, но культ вождя в Багдаде проявляется сильнее, чем в Дамаске. Культ Саддама Хусейна можно сравнить с культом Сталина или

Мао. Оба государства стремятся расширить свои территории, но политика Ирака более агрессивна, чем сирийская. Иракская агрессия против Ирана и Кувейта закончилась поражением, но диктатура была настолько сильной, что Саддаму удалось не только удержаться у власти, но даже стать объектом поклонения для немецких неонацистов, сторонников Ле Пена и русских неофашистов. И это не случайно: Саддам символизирует все, что их восхищает — вождизм, жестокость, агрессивность и антизападничество.

И в Сирии, и в Ираке правят националисты. Они не доверяют стремлению фундаменталистов разрушить арабские национальные государства и создать исламское сверхправительство, для которого границ между мусульманскими странами просто нет. Подавляя внутреннюю исламистскую оппозицию, Саддам и Асад одновременно поддерживают всеобщее возрождение ислама. В настоящее время такая политика способствует снижению напряженности в конфликте с радикально настроенными священнослужителями, но в будущем этого может оказаться недостаточно. Иранцы и бойцы фронтов мусульманского освобождения в других странах знают, что бывшие баасисты — на самом деле не ортодоксальные мусульмане, что их цель — создание светского государства. Обе стороны практикуют катман (в шиитской теологии так называют хитрую уловку) и прекрасно осознают неискренность обоюдных заявлений, но сейчас, когда и те, и другие оказались в изоляции, обещание поддержки, пусть только на словах, предпочтительней открытой вражды.

Духовные метания арабской и мусульманской интеллигенции от секуляризма к фундаментализму и от коммунизма к фашизму были мучительны, хотя весьма интересны для наблюдения. В Турции, Египте, Пакистане, Бангладеш интеллигенция оказала серьезное сопротивление политическим амбициям ислама, а в Алжире и Иране

голосовала ногами против этих амбиций, но кое-где в интеллигентских кругах ислам стал популярным. Многие бывшие марксисты открыли в себе подобный фундаменталистский дух, а значительная часть интеллигенции Африки и ближнего Востока, не питая особых иллюзий по отношению к саддамовской "республике страха", подержала его вторжение в Кувейт.

Насколько искренни эти фундаменталистские или пан-исламские настроения? Обусловлено ли единство Саддама и его режима с народом всеобщей солидарностью братьев-арабов (или мусульман) или антизападничество Саддама – элемент его глубокой симпатии к мировоззрению фашистского типа. А может быть, это всего лишь интеллектуальная мода, не серьезней былой страсти к марксизму-ленинизму? Возможно, эта часть интеллигенции, как и многие русские правые, на самом деле понимает, что их будущее с Западом и секуляризмом, а не с азиатским миром, понятие которого, собственно, никогда не было четко определено. Но все же они испытывают неприязнь к Западу, поскольку не чувствуют себя в отношениях с ним комфортно. Возможно, здесь присутствует и немалая доля оппортунизма, желание оказаться поближе к власти в русле господствующего течения. Мотивы поведения весьма различны для разных стран и разных людей.

Большая часть приведенных наблюдений относится к шиитскому исламу, практикуемому в Иране. Однако существуют и другие движения. В некоторых отношениях они весьма похожи на шиитский ислам, в некоторых – резко отличны от него. Воинствующие группы суннитского ислама также проводят активную пропаганду, организуют массовые выступления и акты террора. Они также характеризуются элементами фашизма и стремятся к установлению диктаторских и агрессивных режимов. Но в то же время век телевидения, факсов и компьютеров придал и суннитскому исламу новые черты.

ИСТОЧНИКИ СУННИТСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Первоначально исламский фундаментализм возник перед Второй мировой войной в Египте и Индии как движение религиозного возрождения и культурной революции. Ближний Восток и Северная Африка выходят на политическую арену лишь в 1960-е гг.. В то же время активизируют свою политическую деятельность Хомейни и его последователи. В Пакистане это произошло еще раньше – после получения независимости и раскола Индийского субконтинента. Большинство мусульман стремились иметь собственное государство, но не теократию. Поэтому борцами за независимость Пакистана и его первыми лидерами стали твердые сторонники светского государства Мухаммад Али Джинна и Лиакат Али-хан.

Объяснить политизацию ислама можно поражением секулярного национализма. Но это нельзя отнести к происходившему в Египте. Хишам Шараби, видный американский специалист, писал в 1966 году, что "ислам в современном арабском мире – уже пройденный этап". Сейчас это заявление можно рассматривать как своего рода близорукость, но тогда оно представлялось вполне корректным, и его мнение разделяли многие специалисты. В 1960-е гг. на которые приходится пик популярности Насера, каирская радиостанция "Голос арабов" вела пропаганду на огромной территории от Атлантики до Индийского океана. При Насере "мусульманские братья" были жестоко подавлены и не имели ни малейшего влияния. Они привлекли с себе внимание позднее, лишь при преемниках Насера, когда в 1971 г. ислам стал государственной религией Египта, а исламские радикалы получили гораздо больше прав, в частности, эфирное время на радио и телевидении.

В Алжире исламисты стали важным фактором лишь в

результате арабизации страны. Как и в Египте, алжирские исламисты выступают против властей, которые приложили немалые усилия в их поддержку. Президент Египта Анвар Садат был убит в 1981 г., президент Алжира Мухаммад Будиаф – в 1992 г. Израильский вопрос не играл важной роли в радикализации арабских государств. Для Ирана и Алжира, стран с наиболее развитым политическим исламом, проблема Израиля безусловно не была первостепенной.

Радикализация ислама совпала с либерализацией экономики и резким усилением неравенства в распределении доходов и уровне жизни. Она совпала также по времени с ростом неприязни к Западу, к тому же правящая элита начала выказывать признаки ослабления.

Эти тенденции сильнее всего проявились в Алжире, где прежнее руководство Фронта Национального освобождения, победившее в борьбе с французами, после тридцати лет правления не могло похвастаться какими-либо серьезными достижениями. В результате демографического взрыва (Иране и Египте) в составе населения увеличилась доля молодежи – грамотной, но недостаточно образованной, без работы и без надежд. Миллионы деревенских жителей хлынули в города, но и там они не смогли найти работы и жилья. В 1980-е гг. в Алжире был основан радикальный исламский Фронт национального спасения (ФНС). В его состав вошло относительно либеральное крыло, считавшее себя преемником лидеров алжирской революции 1950-х гг. Лозунгом этой революции был “Алжир прежде всего”, а не панисламизм. Но есть в ФНС и более радикальное крыло (Салафия), которое возглавляет шейх Али бен Джах, выступающий за истинный ислам.

Алжирское правительство пошло на далеко идущие уступки исламистам, но никаких реальных шагов для достижения соглашения с умеренным крылом ФНС не было предпринято. Кроме того, правительство санкционировало свободные выборы, но сделало это в момент, когда менее

всего могло это себе позволить. Выборы не оправдали ожиданий, и правительство их аннулировало. Дилемма, перед которой стоит алжирское правительство, неразрешима. Если бы исламисты получили власть в результате победы на свободных выборах, то эти свободные выборы оказались бы последними. Согласно учению радикальных исламистов, и шиитов и суннитов, демократия – смертный грех перед Богом и религией. Следовательно, после победы радикалов политические законы были бы изменены.

ФНС создал сеть филиалов по всей стране и даже получил значительную финансовую помощь от Саудовской Аравии и других стран Персидского залива, богатые арабские владыки которых ошибочно полагали, что смогут купить поддержку Фронта или хотя бы гарантию от нападений с его стороны. Алжирские власти, в особенности Бумедьен, также поддерживали радикалов. Опасаясь усиления влияния ультралевых в университетах, они содействовали исламистам, видя в них противовес левым. Марксисты перешли к обороне и были окончательно раздавлены исламистскими радикалами, которые вскоре выступили против тех, кто обеспечил им возможность победить. Разгром левых в Алжире, в Египте и в других северо-африканских и ближневосточных странах, безусловно, явился следствием крушения Советского Союза и мирового коммунизма, но на практике он оказался возможным благодаря организационной и финансовой поддержке антилевых сил со стороны правительств этих стран.

Основной неудачей алжирских властей оказалась неспособность справиться с экономическими и социальными проблемами страны. В 1988 году в Алжире было произведено столько же продовольствия, как и тридцатью годами ранее, но население страны за это время удвоилось. Положение ухудшилось еще больше вследствие ошибочной стратегии борьбы с врагом, который уже не был опасным.

После ареста политических лидеров ФНС движение выдохлось и потеряло многих своих сторонников. В результате инициатива перешла к исламистским террористам – отрядам исламистской армии под руководством Абдель Хак Лайяда, который позднее сбежал в Марокко. Эта радикальная группа проявляла некоторую активность еще с 1970-х гг., действуя независимо от военного крыла ФНС.

Началась кампания убийств. Она была направлена против иностранцев, представителей интеллигенции, не поддерживавших исламских экстремистов, и сторонников оппозиционных режимов. Еще одной важной мишенью оказались школы – террористы взрывали школьные здания и убивали учителей. Теракты унесли тысячи жизней, а неспособность властей справиться с террором привела к дискредитации режима.

Алжирское движение было несомненно религиозным по форме, фанатичным в борьбе с властями и насильственным в борьбе с модернизацией.

Глубинная мотивация алжирского движения не столь очевидна, однако, как в Иране, где роль духовенства намного значительнее, чем в Алжире. Большинство ведущих должностей в Алжире занимают не священнослужители, а миряне. Обращение масс к исламу произошло скорее от ощущения, что прежнее руководство их предало, от нищеты и озлобления. Определенную роль в этом сыграл и недостаток элементарной самокритичности, то есть неспособности понять, что в бедах Алжира после освобождения от колониализма ни в коей мере не повинны ни империализм, ни модернизм – вину за них несут руководители и народ Алжира.

В Египте корни исламского радикализма уходят в 1930-е гг., но в те времена его политическое влияние было ограниченным. В Египте существовала та же социальная напряженность, что и в Алжире, но там давно создалась

традиция терпимости, которая противодействовала всякому фанатизму. Египетский национализм коренится глубже и имеет более долгую историю. В 1970-1980-е гг. на территории Египта активно действовали различные террористические группировки, пользовавшиеся сочувствием студентов, младших офицеров и небольшого числа интеллигентов. Но исламский радикализм возник в конкретных географических рамках, главным образом, в округах Асьют и Нинья в Верхнем Египте, а также в среде каирских бедняков. Радикалы не добились успеха на выборах, нападения на иностранцев не были многочисленными, а реакция на подобные выступления была негативной. Радикалы убили нескольких ведущих представителей ненавистного им режима, но подорвать его всерьез не смогли.

По существу все ключевые посты в радикальных движениях в Иране захвачены священнослужителями; то же относится к Хезболла – шиитской группировке в Ливане. Это одновременно политическая партия, ополчение и террористическая организация. Для суннитских радикалов Египта и Алжира столь прямое вмешательство священнослужителей не стало правилом. В Египте шейх Киш не без успеха проповедовал фундаментализм по каналам государственного радио и телевидения, в Алжире религиозные сановники исполняли немаловажную роль, но все это даже в отдаленной степени нельзя сравнить с тем, что творилось при Хомейни. Радикальные суннитские движения не собирались немедленно устанавливать теократию. В своем государстве они намеревались предоставить священнослужителям (“докторам исламского права”) должности советников при лидерах – посты верховных арбитров, но не носителей власти. При таком порядке священнослужители не несли бы прямой ответственности за возможные провалы. Но несмотря на все это, некоторые фашистские черты суннитского радикализма идентичны с шиитским – в первую очередь это демаго-

гический популизм и бескомпромиссное, на основании религиозных догм отрицание демократии и свободных институтов вообще. Сунниты менее тоталитарны, нежели шииты, однако их фанатичная вера в насилие не намного слабее.

Некоторые западные эксперты, защищая радикальный ислам, доказывают, что исламское антизападничество относится исключительно к порнографии и тому подобным издержкам свободы слова, а вовсе не к политическим свободам как таковым. Однако исламский радикализм выступает против демократии потому, что демократия лишит улемов – тех, кому самим Аллахом доверено истолковывать Коран, этого неотъемлемого права, и предоставит свободу тем, кто не может понимать слов Пророка и отправлять религиозное руководство. Подобная нетерпимость не допускает никаких форм политической свободы: радикальный ислам осуществляет строгий надзор над общественной жизнью и определяет каждый ее аспект. Эта нетерпимость распространяется на меньшинства (например, копты в Египте) и на иностранцев. Результат ее – искренняя вера в гигантский заговор против ислама, который возглавляет христианство, другие религии и политические организации “неверных”, и ненависть к евреям – не как к сионистам, а как к расе. Радикальный ислам – новая религия, в которой призыв к любви и уважению заменен призывом к строжайшему соблюдению религиозных обрядов.

Фанатизм радикального ислама не делает его приверженцев истинно правоверными мусульманами, как не были наиболее христианнейшими средневековые фанатики-сектанты или же подлинными последователями иудаизма – фанатики-евреи. Однако радикальные исламисты добились в наше время большей власти и политического влияния, чем фанатики, упомянутые выше. Ислам – самая ортодоксальная и жесткая из всех великих мировых религий, но несмотря на это он легче, чем другие, приспособ-

лялся к меняющейся исторической обстановке и был наиболее терпимым. Попытка его ревизии радикалами имеет мало общего с подлинной религиозностью, а скорее связана с социальной, этической и политической напряженностью, возникшей во многих мусульманских странах, и с политическими амбициями теократов. Это в одинаковой степени религиозное возрождение, как и политическое движение, которое использует религиозные мотивы, лексику и глубоко укоренившиеся традиции.

Исламисты должны понять, что жизнь Аравийской пустыни VII века не может больше служить примером. На короткое время она может вдохновить фанатиков, но руководством к жизни в городской среде VII век быть не может, как не помогут воспоминания о нем созданию рабочих мест и улучшению среды обитания. Аятоллам нужна элита для управления государством – офицеры армии и полиции, ученые, врачи и многие другие, которым следует предоставить определенный статус и хоть какую-нибудь свободу действий. Поступая так, исламский радикализм сеет семена собственной гибели, и чем более экстремистским будет его характер, тем более полным будет его крах. Ростки клерикального фашизма появляются во многих странах мира, но пока трудно сказать, есть ли у них шансы расцвести, кроме как на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В Южной Азии перспективы менее благоприятны: Маудуди, ведущий исламский мыслитель Пакистана, всегда подчеркивал, что исламское государство не должно быть тоталитарным и управляться улемами. Кровавая гражданская война в Афганистане идет скорее из-за власти, этнических и племенных устремлений, нежели из-за религии⁷. Это же справедливо и в отношении реисламизации бывших советских республик Средней Азии.

Многие ожидали, что в результате распада Советского Союза главным политическим фактором на территории

Средней Азии станет радикальный ислам; но пока этого не произошло. Во всех среднеазиатских республиках прежняя коммунистическая элита осталась у власти. Описать эту элиту нелегко. Она и при Брежнев не была марксистско-ленинской, а теперь-то и подавно. Это светская, националистическая по взглядам группа, предпочитающая авторитарное правление и смешанную экономику и заботящаяся прежде всего о сохранении собственных привилегий. Этой элите бросает вызов оппозиция, состоящая из различных контрэлит. Некоторые группы оппозиции отличаются либеральными взглядами (главным образом, местная интеллигенция), другие – взглядами более националистическими и авторитарными (и антирусскими), чем правящая элита; некоторые являются исламистами. Но эти исламисты не столь радикальны, как их иранская (и алжирская) разновидность. Иран предпринял немалые усилия, чтобы внедриться в Таджикистан – единственную из среднеазиатских республик, где говорят на фарси; но больших успехов иранцы не добились. Среди населения Таджикистана преобладают не шииты, а сунниты, кроме того, среднеазиатские исламисты всегда заявляли, что не хотят навязывать своим странам исламское общественное устройство. Трудно сказать, насколько эти заявления – результат подлинной умеренности или же осознания своей слабости и отсутствия общественной поддержки. Религиозное возрождение в Средней Азии и на Кавказе лишь немногим интенсивней, чем в России. Так что предостережения среднеазиатских лидеров о серьезной “фундаменталистской угрозе” оказались сильно преувеличенными, но преследовали они весьма конкретные цели – получить поддержку Москвы, и, самое главное – Запада.

Среднеазиатским республикам в будущем предстоят огромные трудности. Они могут привести либо к новому сближению с Россией, либо к развалу и хаосу. Возможность установления здесь клерикальных фашистских ре-

жимов полностью исключить нельзя, но наиболее вероятным представляется сохранение националистических, авторитарных режимов.

Русские ультраправые по-разному относятся к исламскому радикализму. Одни рассматривают его как серьезную угрозу территориальной целостности России и ее национальным интересам в Средней Азии (откуда русских систематически изгоняют), на Кавказе и на Балканах. Другие мечтают о союзе между русским фашизмом и исламским фундаментализмом. Александр Дугин, известный глашатай русских профашистов, отмечает, что евразийцы верят, что фундаменталистский ислам с его антиматериализмом, отрицанием банковской системы и международного ростовщичества, отрицанием международной экономической системы – их естественный союзник. Единственный, по Дугину, геополитический враг русских и мусульман – США с их либеральной, космополитической, антирелигиозной и антитрадиционалистской системой”⁸.

Однако подобные эксцентричные взгляды не следует принимать всерьез: интересы этих двух экстремистских движений сталкиваются в очень важных вопросах – исламские радикалы предпочитают полную свободу (вплоть до отделения) для татар и других мусульманских меньшинств внутри России уничтожению “ростовщичества” и банковской системы. Замысел идеологической оси Москва – Тегеран, выражаясь мягко, притянут за уши. Русские правые экстремисты, провозглашающие необходимость ориентации “на ислам”, одновременно поддерживают своих сербских братьев в стремлении истребить боснийских мусульман; и в этом состоит одно из множества противоречий в их политике.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

Политические религии часто выполняли роль запала в различных геополитических конфликтах и явно не

способствовали миру в Югославии. Сербская православная церковь поддерживала борьбу боснийских сербов, считая католиков и мусульман своими заклятыми врагами. Католическая церковь никогда не раскаивалась за убийство сотен тысяч православных сербов хорватами в годы Второй мировой войны и полностью поддерживала бескомпромиссные требования хорватского руководства. Как заметил один независимый исследователь, “идол нацизма и фундаментализма вырвался из-под контроля, как злой джинн, и отныне существует угроза, что сейчас церковь встанет на путь поклонения идолам”⁹. Алиа Изетбегович, нынешний президент Боснии, в 1970 г., находясь в тюрьме, написал “Исламскую декларацию”. В ней он заявлял, что между исламской религией и неисламскими общественными и политическими институтами никогда не наступит ни мир, ни сосуществование и что как только мусульмане составят больше половины населения какой-либо страны, она станет исламской республикой. Когда Босния получила независимость, эти воззрения не были частью ее официальной доктрины. Но постепенно возобладала идея исламской исключительности.

Безоговорочная поддержка националистических страстей со стороны религиозных лидеров стимулировала и сепаратизм, и начало войны. Никто из них не отождествлял себя с фашистской теорией и практикой, но все же они проложили путь диктатуре и актам геноцида и, следовательно, способствовали созданию политического климата, в котором фашистская политика воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Светские реформы Кемаля Ататюрка в Турции двадцатых годов с самого начала вызвали исламскую оппозицию, а в последнее десятилетие там резко активизировалась Партия национального спасения, начертавшая исламизм на своем знамени. Политический ислам более популярен в турецкой деревне, нежели в городах, но в

1994 г. партия контролировала и Стамбул, и Анкару, а после выборов 1996 г. получила самое многочисленное представительство в парламенте Турции.

Профашистские группы, действовавшие под маской пантуранизма, существовали в Турции еще во времена Второй мировой войны. Позднее правый радикализм начал проявляться и в религиозных организациях, и в националистических партиях. В 1970-е гг. Турция превратилась в арену непрекращающихся вооруженных столкновений между ультраправыми и ультралевыми. Еще позднее к террору, особенно против интеллигенции, подключились фашистские группировки и группировки религиозных фанатиков, поддерживаемые Ираном и арабскими радикалами. Тот факт, что идеи, деньги, оружие, как правило прибывали из-за границы, не прибавил экстремистам популярности. Другим важным источником поддержки ультраправых стала турецкая диаспора, в основном в Германии, где столкновение традиционной культуры мигрантов с западной цивилизацией привело к радикализации диаспоры.

Преемники Ататюрка отступили с некоторых позиций и пошли на немалые уступки исламистам, но модернизация в Турции пустила более глубокие корни, чем в других мусульманских странах. Даже турецкие фундаменталисты, небольшая маргинальная группа, если исходить из сравнения с исламистами Ирана и арабских стран, не являются крайними. В Турции имели место преследования меньшинств, но на национальной, а не на религиозной почве. Национализм – решающий элемент официальной идеологии Турции, и это делает усиление фашизма в стране маловероятным, не говоря уже о том, что и традиционные ультраправые в Турции не были фундаменталистами.

В прошлом фундаменталисты и ультраправые сотрудничали, но в настоящее время неспособность их лидеров прийти к соглашению, как и существенные раз-

личия в программах препятствуют прочной и долговременной кооперации этих групп. К тому же и антизападничество перестало быть монополией сил фашистского толка, и потому им трудно сейчас победить центр, наступая справа.

Во многих странах идет жестокая борьба с секуляризмом, но мотивировка, направленность этой борьбы различны. “Фундаменталистского интернационала”, равно как и “Фашинтерна” не существует. Религиозные фундаменталисты в США выступают против светского гуманизма; немногочисленные безумцы-маргиналы совершают акты террора против врачей, производящих аборт. Но даже самые фанатичные из евангелистов не мечтают о создании фашистских организаций. Их действия скорее всего вызваны отчаянием, убеждением что грядет Страшный суд, что произойдет катастрофа, что Иисус возьмет избранных их царства земного, а затем вернется строить царствие небесное. Для тех кто глубоко верит в это, в мире нет места штурмовикам и чернорубашечникам.

Русской православной церкви всегда был присущ фундаментализм. Поскольку эта церковь никогда не подвергалась реформированию, она и по сей день остается фундаменталистской. Но даже самые горячие проповедники шовинизма, фанатизма и гонений на другие религии и национальные меньшинства, такие как покойный митрополит Иоанн Петербургский и Ладожский, не защищают фашизм открыто. Иоанн и его последователи могут одарить благословением тех, кто выступает за установление агрессивного диктаторского режима, но их идеал – черная сотня 1906 г., а не современное фашистское государство.

Наиболее воинствующая фундаменталистская группа в русской церкви – Союз православных братств. Один из его ведущих лидеров – Валерий Скурлатов, личность с богатым политическим прошлым. Он занимал высокий пост в комсомоле, затем стал глашатаем национал-большевизма

и язычества и распространителем мифической дохристианской “Влесовой книги”. В 1960-е гг. он составляет кодекс морального поведения, повсеместно признанный профашистским. Возможно, что Скурлатов искренне обратился к религии, но столь же возможно, что подобно многим национал-коммунистам, он воспринимает церковь и как политическое убежище, и как место вербовки сторонников.

В целом церковное руководство, сохраняя видимость политической благопристойности, поддерживает ультраправые и даже фашистские группировки. Лишив сана священников-демократов, оно не сделало выговора ни митрополиту Иоанну, ни ему подобным, даже когда имело место откровенное разжигание расовой ненависти. Русская православная церковь всегда уважала власть, и, по-видимому, если оставить в стороне идейные соображения, давно пришла к заключению, что “патриоты” сильнее демократов.

Один русский исследователь, описывая демонстрацию православных фундаменталистов, отметил, что одни называют себя патриотами, другие открыто признают себя фашистами, третьи по-прежнему верны коммунистическим лозунгам. Великой загадкой, он считает вопрос, какой будет новая Россия, если в одном углу портреты Сталина, в другом – последнего царя, и если знамена пролетарской революции развеваются бок о бок с хоругвями религиозных шествий.¹⁰

Некоторые видные представители русских ультраправых яростно выступают за единый фронт русского православия и исламского фундаментализма. Даже при Брежнев приветствовался “прогрессивный характер” (то есть антизападные позиции) режима Хомейни. Подобные спекуляции, разделяемые некоторыми сановниками православной церкви, не учитывают, враждебного отношения к русским в среднеазиатских республиках и того, что сотни тысяч жителей покинули эти места. И все же православная церковь по-прежнему воспринимает католицизм как неприемлемого врага, а ислам – как потенциального союзника.

С 1960-х гг. в Израиле и кое-где в диаспоре приобретают популярность разные формы и проявления еврейского фундаментализма – мессианство, возрождение ортодоксальных форм религии, крайний антисионизм, вера в раввинов-чудотворцев, а среди израильского религиозного истеблишмента распространяется и агрессивный расистский шовинизм. После войны 1967 года религия политизируется более, чем когда-либо раньше. Однако это движение не едино. Сефардские раввины обычно занимают более умеренные позиции, чем их ашкеназские (европейского происхождения) коллеги. Политизация религии отравляет политическую жизнь Израиля. Несмотря на немногочисленность каждой из религиозных партий их общее число усиливает их влияние. При формировании коалиции более крупные политические партнеры должны дорого платить за поддержку религиозных партий. В результате религиозные партии навязывают в административном порядке всему обществу религиозные предписания, что, в свою очередь, подрывает уважение к политической религии среди граждан.

Религиозный фанатизм – одна из основных причин актов насилия среди государств от Северной Ирландии до Индийского субконтинента; у религиозного фанатизма и фашизма множество общих черт – нетерпимость, агрессивность, пренебрежение правами человека и демократическими институтами. Но есть и различия – в противоположность фашизму, религиозный фанатизм обращен в прошлое.

Буддизм традиционно был самой терпимой, космополитической и антинационалистической из всех мировых религий. На Западе представление о буддизме долгое время формировали взгляды Ганди, Ауробиндо, Вивекананды и других религиозных философов. Все они проповедовали ненасильственные методы политической борьбы. Но Ганди убили, а вслед за ним были убиты Индира Ганди, ее сын

Раджив Ганди и премьер-министр Шри-Ланки. Со времен освобождения от колониализма Южная Азия превратилась в арену этнических конфликтов и общинных бунтов – они возникали там не реже, а может, и чаще, чем в других регионах. С начала 1980-х гг. агрессивность некоторых этнических и религиозных групп на Индийском субконтиненте еще более возросла, но вызвано это было скорее национальными, а не религиозными причинами. Экстремистское индуистское движение и Бхаратия Джаната парти (БДП) добились большого успеха на выборах 1980-х гг. и стали ведущей оппозиционной партией в стране и партнером в правящих коалициях некоторых штатов Северной и Западной Индии.

БДП больше стремится к осуществлению идеи Великой Индии, нежели к экспорту буддизма. Члены этой партии смотрят свысока на мусульман, но не из-за их религии, а потому что считают мусульман нетерпимыми и отсталыми в культурном отношении. К ультраправым индуистам приходят низы среднего класса из деревень и небольших городов. Молодежные организации ультраправых сравнивали с гитлерюгендом (это сравнение для тех, кто знаком с нацистской Германией, действительно притянуто за уши), но некоторых партийных лидеров такое сравнение не покорило. В ультраправых кругах весьма заметны антизападничество, пренебрежение демократией, это же относится к необходимости пользоваться английским языком, но истинными жертвами их нетерпимости оказываются меньшинства, подобные мусульманам.

Правые не утверждают, что мусульман необходимо изгнать, но и не считают, что мусульмане должны иметь равноправие. Согласно доктрине БДП, индийская нация – органичное целое, ее национальная душа открыта божественному предназначению; необходимо смягчить классовые различия и восстановить национальную соли-

дарность. Все это хорошо знакомо тем, кто изучал идеологию европейского фашизма. Есть, конечно, и различия: в Индии, в отличие от Европы, культ вождя не пользуется особой популярностью, да и политиков вообще не слишком уважают. Подлинное национально-религиозное возрождение определяется духовными принципами, и революция, если она произойдет, будет культурной, а не политической. Однако с приходом БДП в политику эти благородные принципы нередко игнорируются.

В конфликте между тамилами и сингалезами почти невозможно понять, где кончается религия и начинается национализм. Решающую роль в раздувании этого межнационального конфликта играют социально-культурные причины. Большинство сингалезов считают, что тамилы – зло, а тамилы считают, что зло – сингалезы. В этом конфликте религия оказалась не сдерживающим, а подстрекательным фактором ненависти и насилия. У убийц из организации “Тамильские тигры” гораздо больше общего с легионами Пол Пота в Камбодже, нежели с какой-либо из известных нам религий.

В случае сикхов (они немногочисленны – их всего 13 миллионов по всей Индии – но весьма активны) ситуация еще сложнее. Этнически сикхи относятся к хинди, и, как и хинди, оказываются жертвами сикхского терроризма. Утверждают, что террористические акции сикхов носят оборонительный характер и вызваны желанием сохранить традиционный образ жизни, оружие, длинные волосы, одежду из шкур, и не быть “рабами” хинди. Сикхский экстремизм, как и фашизм, и радикальный ислам не только допускает “праведное убийство”, но и считает его священным долгом.

Эти и подобные им движения смогли возбудить религиозную и националистическую горячку, вызвать столкновения на улицах и даже гражданские войны. Но в 1990-е гг. в Индии возвышение БДП приостановилось.

Выступая от имени мусульманского меньшинства, исламские фундаменталисты (чуть более 10% населения страны), не могут надеяться создать здесь теократическое государство. Пакистан в 1970-е гг. прошел процесс исламизации, но политическая власть все еще не перекочевала в руки Джамаат-и-Ислами – главной религиозной организации. Кроме того, из-за большого числа сект не могло возникнуть подлинно массовое исламское движение. В Бангладеш политики пытались умиротворить исламских радикалов различными путями, но сами массы не проявили по отношению к исламистам особого энтузиазма, поскольку радикальный ислам не очень резонирует с бенгальской культурой.

Расцвет фашизма в Иране и Индии объясняют социально-экономическими причинами, главным образом, бунтом средних классов – “базарис” в Иране и лавочников в Индии (БДП нередко называют партией лавочников)¹¹.

Многие полагают, что эти группы осознают, какую угрозу их привычному образу жизни представляет быстрая индустриализация и широкие социальные перемены (отсюда и параллель с Германией перед захватом власти нацистами). Иранские торговцы в 1970-е гг. боялись контроля над ценами и арестов в случае его нарушения, тогда как индийские лавочники, наоборот, опасались отмены контроля со стороны правительства. У “базариса”, действительно, были общие интересы со священнослужителями Тегерана, а попытки Индийского национального конгресса улучшить положение низших каст (в частности “неприкасаемых”), составляющих больше половины населения, смутили многих индуистов. Принятые Конгрессом меры повысили шансы образованных представителей низших каст получить работу в государственном аппарате. Этим некоторые объясняют рост оппозиции Конгрессу и возникновение радикального движения за сохранение власти нынешней элиты. Но поскольку главным против-

ником индуистской ультраправой являются мусульмане, такое объяснение не представляется убедительным. Индийские лавочники должны понять, что уличные столкновения полезны лишь плотникам и стекольщикам; что любой вид экстремизма препятствует бизнесу. Деловые круги Индии предпочитают режим одновременно националистический и протекционистский; этому более или менее соответствовала политика всех индийских правительств с 1948 г. Ни фашизм, ни экстремистский режим иного типа им просто не нужен.

Подобно этому, мечеть в Иране была естественным союзником “базарис”, но так было лишь в переходный период – до и после изгнания шаха. Режим, который установил Хомейни, хотя и защищал “базарис” от иностранной конкуренции, но в то же время наносил им ущерб в других отношениях. Короче говоря, рост фашистского движения обычно обусловлен социально-экономическими факторами, но, как правило они не бывают решающими – интересы иранских и индийских лавочников вполне могли выразить и политические движения нефашистского толка. У националистическо-религиозных верований есть своя динамика; деклассированные элементы больших городов Востока и их проблемы – отнюдь не та сила, которой легко манипулировать. В Индии движения, напоминающие фашизм, стимулировались причинами политического и культурного характера, а не экономическими и религиозными. И даже цветок шафрана – бывший символ религиозного аскетизма, оказавшись на мундирах индийских ультраправых, стал знаком отличия воиствующих националистов.

Изучение всех проявлений религиозного фундаментализма позволяет выделить характерные черты, общие с фашизмом, в частности, неприятие модернизации и секуляризма. Все фундаменталистские движения являются популистскими; они заявляют, что стремятся не только

к нравственной чистоте и достижению святой цели, но и к социальной справедливости. Одни движения убеждены, что именно на них возложена священная миссия распространить свое мировоззрение не только на родине, но и в других странах. Некоторых фундаменталистов, даже если они и не всегда это признают, вдохновляет национализм сам по себе или в сочетании с радикальной религией, другие выступают за объединение со своими единомышленниками, невзирая на государственные границы. Одни настаивают на теократии, другие готовы допустить секулярное правление, но при условии, что его курс будет соответствовать законам религии. Некоторые священнослужители не скрывают своего отвращения к народу (“они хуже скотов”). Хомейни и его ученик Моттохари, принадлежат именно к этой школе: народ нуждается в милостивом правителе, ибо народ не ведает, что для него хорошо, а что плохо. Иные исламисты с подозрением относятся к священнослужителям, играющим в политические игры. Так что идеологически фундаментализм весьма неоднороден, но на практике эти различия еще весомее.

Между ультрарадикальными разновидностями фундаментализма и национал-социализмом существует значительное сходство, поскольку фундаменталисты, как и нацисты, требуют активного соучастия, а не просто пассивного принятия нового порядка. Под соучастием понимается враждебное отношение к западной демократии и Просвещению, подчинение личных интересов общественным, вера в божественное предназначение, а также широкое использование пропаганды и террора. Сюда же относится обязательная цензура и возвращение женщин на самые низкие ступени общественной жизни. Радикальный фундаментализм не предоставляет никаких свобод религиозным и национальным меньшинствам. Как и фашизм, радикальный фундаментализм, где бы он ни возникал на Ближнем ли Востоке, в Шри-Ланке или в другом регионе, – это движение молодых мужчин.

Этот список можно продолжить. То, что между предвоенным фашизмом и современным радикальным фундаментализмом существуют исторические и культурные расхождения, очевидно. Однако отнюдь не все формы европейского фашизма 1930-х гг. были одинаковыми.

Возможности убеждать, проверять и наказывать в наше время по сравнению со средневековьем значительно расширились, но возросли и мирские искушения. Радикальный ислам обрел значительное политическое влияние в различных районах мира, но весьма сомнительно, что многие последуют иранскому примеру. Да и Ирану самому придется вернуться в русло повседневной жизни, понять необходимость компромиссов, почувствовать эрозию веры и растущий разрыв между его религиозным учением и реальностью. Неспособность этой модели справиться с экономическими и социальными проблемами современного мира наверняка вызовет кризис, подобный тому, который привел к подъему фундаментализма. Что произойдет, когда политическая религия потерпит крах? Число возможностей почти бесконечно – от антиклерикальной реакции до еще более радикальной политической религии.

Современные средства подавления таковы, что диктатор может оставаться у власти сколь угодно долго, даже если его моральное и политическое банкротство очевидно всем (при условии, что он не ввязался в войну и не потерял уверенность в себе). Это означает, что питательная среда для новых разновидностей фашизма просуществует еще долго.

Но почему именно фашизм, а не религиозный фанатизм, популизм, радикальная политическая религия или же воинствующий фундаментализм? Все эти явления родственны, одни ближе друг к другу, другие дальше; однако в современном мире все крайние проявления политического радикализма обречены на то, чтобы оказаться

на орбите фашизма. Коммунизм, несмотря на его сходство с другими радикальными движениями, не может представлять для них альтернативу, тогда как национал-социализм может стать таковой. Секулярные политические религии, подобные фашизму, и вероисповедания, подобные радикальному исламу, разумеется, отличаются друг от друга. Они могут даже бороться друг с другом. Но исследователи уже знают, что политики-популисты легко поворачиваются и влево и вправо в зависимости от социально-экономических условий, культурных традиций и общего политического климата. Два-три поколения назад марксистами нередко становились выходцы из ортодоксальной религиозной среды, а в последнее время мы наблюдаем противоположную тенденцию – марксисты становятся новообращенными верующими.

Коммунизм меняется, и в новом облике, лишенный атеистических элементов, националистический более, чем интернационалистический, он может вновь стать серьезным претендентом в борьбе за власть. Но такой переродившийся коммунизм уже приближается к воскресшему фашизму и радикальной религии.

В чем же основные причины перелома в судьбе радикальных религий? В поисках ответа на этот вопрос нам мало поможет изучение вечных заповедей Будды, Христа и пророка Мухаммада. Учение любой религии может быть истолковано сотней различных способов, и то, что фундаменталисты извлекают из Библии и Корана для себя, больше связано с современностью, нежели со священным писанием. Религиозные чаяния, трансцендентные верования, утопизм (и светский и религиозный), потребность в порядке – в такой же степени присущи человеку, как и насилие, зависть и агрессивность. Некоторые полагают, что в любой религии содержится насилие. Но верно и то, что на некоторых этапах человеческого развития насилию необходима религия – политическая или в форме секулярной

идеологии – для своего оправдания. Насилие пытались объяснять лишениями, отчаянием, священным гневом, но это мало помогает понять, почему в одних обществах меньше проявлений насилия, чем в других, и почему фашизм (терроризм, радикальный фундаментализм) одерживает победу в одной стране, а не другой. Откуда берутся отчаяние и гнев? Может быть, причина в том, что данное общество – жертва угнетения, или в том, что люди там менее талантливы, не обременяют себя тяжелым трудом, не сознательны и не способны привести свой дом в порядок? Социальные условия, безусловно, играют определенную роль, но Германия в 1933 г. была не самой бедной и отсталой страной. С другой стороны, амбиции, чувство обиды и собственного превосходства – тоже необходимы. То, что Гитлер написал в “Майн кампф” о роли ненависти во всех великих потрясениях, было лишь инстинктивным признанием этой горькой истины.

Кризис сознания, общий кризис культуры, затронувший многие общественные формации в последние два столетия, – весьма важный фактор, который заставляет задуматься о различных панацеях – от идеи “Нового века” до религиозного фундаментализма. Эти варианты служат как суррогаты религий, поскольку время подлинной, спонтанной, одухотворенной веры ушло, по всей видимости, вместе с древним миром и средневековьем: дьявольские искушения современности чересчур сильны, слишком много технических чудес создал человек. Фундаменталистская религия подразумевает отход от современной жизни, но этот выбор не представляется привлекательным. Поэтому мы являемся свидетелями лишь националистически-религиозных волнений в отсталых и бедных странах и терроризма. Но к этому же пришли и коммунисты Азии, во всяком случае – на какое-то время.

Политическая религия безусловно созвучна определенным потребностям и чаяниям, отчасти позитивным,

отчасти разрушительным. Без этого она не привлекла бы столь многих людей. Политическая религия обязывает соблюдать дисциплину и порядок, обеспечивает идейную общность среди своих последователей. Однако перед фундаментализмом (исламским или иным) по-прежнему стоит невыполнимая задача: нельзя уйти от экономического и социального развития, недопустимо, чтобы воспитание и образование ограничивались одной лишь религиозной сферой. Поэтому фундаментализм вынужден осваивать технологию власти, ранее применявшуюся фашизмом. Такое сочетание политической религии, национализма и фашизма может превратить народ в массу фанатиков. И только время покажет, как долго продержится такой режим.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Studium, June 1928, стр. 324-328, цитируется по книге Richard Drake, "Julius Evola, Radical Fascism and the Lateran Accords", Catholic Historical Review, July 1988, p. 411. См. также Thomas Sheenhaus, "Myth and Violence", Social Research, Spring 1981.
- 2 Christliche Welt, Faszismus und Fundamentalismus in den USA, 1924, стр. 235-243.
- 3 Edgar Alexander, Der Mythos Hitler (Zurich, 1937), стр. 21, 223-225. Александер цитирует Mein Kampf (Munich, 1933), стр. 189, 379.
- 4 См. E. Abrahamian, "May Day in the Islamic Republic", в Khomeinism (Berkeley, 1993), стр. 66-87. Первоначально исламского духовенства в том виде, в каком христианское духовенство существует на Западе, не было. Происшедшее в Иране, считает Бернард Льюис, можно назвать христианизацией ислама.
- 5 См. Said Arjomand, The Turban and the Cross (New York, 1988), стр. 209.
- 6 См., например, Aurel Kolnai, The Revolt Against the West (London, 1938).
- 7 Но верно и то, что хаос, последовавший за окончанием войны в Афганистане, и непрекращающаяся разрушительная война между племенами привели к возникновению фундаменталистского движения Талибан. Радикализм его молодых членов в некоторых отношениях превосходил радикализм иранских мулл.
- 8 День, 1992, стр. 26.
- 9 Paul Mojzes, Yugoslav Inferno (New York, 1994), стр. 134.
- 10 Алексей Малащенко. Из прошлого в прошлое. Фундаментализм ислама и православие. Свободная мысль. 14 (1993), стр. 69-83.
- 11 Pram Shankar Jha, "The Fascist Impulse in Developing Countries", Studies in Conflict and Terrorism 17 (1994), стр. 229.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Мартин Сеймур Липсет, Эрл Рааб

ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ*

ДИЛЕММА АМЕРИКАНСКИХ МЕНЬШИНСТВ

В романе "Возвышение Давида Левинского", принадлежащем перу Абрахама Кахана, летописца еврейской жизни в США конца XIX – начала XX века, описана сцена в одной из гостиниц Кэтскилла (штат Нью-Йорк). Музыкантам никак не удавалось расшевелить публику в салоне гостиницы, состоящую в основном из преуспевающих иммигрантов-евреев. "Наконец дирижер решился на последнее средство. Оркестр заиграл "Звездное знамя". Эффект был ошеломляющим. Несколько сот обедавших поднялись с мест, как один человек, и разразились аплодисментами. Дети и многие взрослые весело и страстно подхватили мелодию... В нашей овации слышался отзвук вновь обретенных долларов. Но было здесь еще кое-что. Многие из тех, кто отдавал честь звездно-полосатому флагу, слушали песню с торжественными, серьезными лицами. Они как бы провозглашали: "Под этим флагом никто не смеет нас преследовать. Наконец мы обрели дом". Любовь к Америке вспыхнула в моей душе. Я крикнул музыкантам: "Это моя страна", и рыдания пронеслись по всему залу".¹

Эти иммигранты так эмоционально приветствовали Америку за то, что она дала евреям свободу, положение в обществе и виды на будущее. Однако сегодня, на пороге

**Главы из книги Seymour Martin Lipset and Earl Raab. Jews and the New American Scene. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, England, 1995*